

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

New York Times
Book Review

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Трое
у дверей
Вулфа

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Трое у дверей Вулфа

«Азбука-Аттикус»

1960

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Трое у дверей Вулфа / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1960 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-21107-0

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В книгу вошли три повести, в которых Вулф должен найти убийцу, чтобы снять с Арчи обвинение в сокрытии улик и препятствовании правосудию.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21107-0

© Стаут Р. Т., 1960
© Азбука-Аттикус, 1960

Содержание

Яд подается порционно[1]	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рекс Стаут Трое у дверей Вулфа

Rex Stout
THREE AT WOLFE'S DOOR
Copyright © 1960 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© Д. В. Попов, перевод, 2014
© А. В. Санин, перевод, 1999
© Т. Н. Чернышева, перевод, 2022
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

Яд подается порционно¹

Глава 1

Я посмотрел на нее сверху вниз и встретил взгляд больших карих глаз, глядевших на меня снизу вверх.

– Нет, я не продюсер и не агент, – произнес я. – Меня зовут Арчи Гудвин, и я присутствую здесь по той причине, что я друг повара. Интерес исключительно личный.

– Понимаю, – сказала она. – Виноваты мои ямочки. Мужчины от них без ума.

Я отрицательно покачал головой:

– Ваши серьги. У девушки, которую я когда-то безответно любил, были похожие. Вполне возможно, если бы мы познакомились поближе... Как знать...

– Только не со мной, – заявила она. – Даже не думайте. Я могу занервничать и пролить суп. Меня зовут Нора Джерет, не Джарет; номер телефона: Стэнхоуп пять, шесть-шесть-два-один. Серьги мне подарил сэр Лоуренс Оливье. Когда я сидела у него на коленях.

Я записал номер в блокнот, сказал спасибо и огляделся. Большая часть этого собрания красоток расположилась в уютной нише между двумя буфетами, а у одной, стоявшей возле стола и наблюдавшей за Феликсом, который что-то взбивал в миске, был прелестный профиль и волосы цвета кукурузного шелка, когда початки только-только начинают созревать. Я подошел и, когда она повернулась ко мне, сказал:

– Добрый вечер, мисс... Мисс?..

– Эннис, – сказала она. – Кэрол Эннис.

Я записал в блокнот ее имя и назвал сам.

– От природы я человек вежливый, – добавил я, – но вы заняты или вот-вот будете заняты, так что на объяснения нет времени. Понаблюдав за вами, я вдруг внезапно ощутил желание узнать ваш номер телефона, а я не умею бороться с внезапными желаниями. Теперь же, когда вы стоите так близко от меня, оно стало еще сильнее, и, думаю, придется нам подчиниться ему.

Впрочем, так может создаться неверное впечатление о том, что происходило в тот вечер вторника. На самом деле мне не нужны были ничьи номера. Я выпрашивал их из-за Фрица. Но и это может создать неверное впечатление, потому придется объяснить.

В феврале Льюис Хьюитт², миллионер и любитель орхидей, которого Ниро Вулф однажды выручил в довольно сложной ситуации, сказал Вулфу, что «Десять аристов» хотели бы, чтобы на этот раз обед для их ежегодной встречи, которая состоится, как всегда, первого апреля, в день рождения Брийя-Саварена³, приготовил Фриц Бреннер. Вулф никогда не слышал про «Десять аристов», и Хьюитт пояснил, что так называется группа из десяти человек, поставивших себе идеалом стремление к совершенству в еде и питье, к которой принадлежит и он. Вулф, повернувшись, протянул руку к этажерке возле его стола и взял словарь, а сверившись с ним, объявил, что, поскольку слово «аристология» означает «учение о еде», в группе у них состоят шутники и остроумцы, так как еда – не наука, а искусство. После продолжительного спора Хьюитт признал поражение и согласился с тем, что название следует изменить, а Вулф разрешил пригласить Фрица.

¹ Перевод Т. Чернышевой

² Отсылка к повести Р. Стаута «Черные орхидеи».

³ Жан Антельм Брийя-Саварен (1755–1826) – французский философ, кулинар, юрист, экономист, политический деятель, музыкант. Автор знаменитого трактата «Физиология вкуса».

На самом деле Вулф был рад просьбе Хьюитта, хотя, конечно, ни за что в этом не признался бы. Фрицу Бреннеру, повару и эконому, на котором держалось все хозяйство в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, Вулф отдавал изрядную часть того, что зарабатывал сам трудами частного детектива, – почти такую же, как и мне, а я у него заместитель и помощник, отвечающий за всё все семь дней в неделю, – не говоря уже о том, что именно я поставляю Фрицу сырье для его творений. А поскольку я у Вулфа еще и бухгалтер, то могу с полным основанием заверить, что в 1957 году кухня и Фриц обошлись лишь ненамного дешевле, чем оранжерея под крышей со всеми орхидеями. Потому, когда Хьюитт сказал, что пусть их группа и не смогла правильно подобрать себе название, но все десять ее членов – истинные, заслуживающие доверия гурманы, а обед состоится в доме Бенджамина Шрайвера, магната морских перевозок, того самого, который каждый год первого сентября публикует в «Таймс» письмо с протестом против использования хрена как приправы для устриц, к тому же Фриц получит полную свободу действий в выборе меню и ему привезут все, что потребуется, Вулф нажал на кнопку и вызвал Фрица. Дело немного застопорилось, когда Фриц отказался брать на себя какие бы то ни было обязательства, так как не знает кухни Шрайвера, но Хьюитт это быстро уладил: усадил Фрица в свой «херон» и свозил на Одиннадцатую улицу для знакомства с кухней.

Там я и находился вечером во вторник первого апреля, выпрашивая номера телефонов: на Одиннадцатой улице, в западной от Пятой авеню ее части, в кухне четырехэтажного дома магната Шрайвера. Шрайвер пригласил на этот обед и нас с Вулфом. Вулф приглашение принял, хотя не любит есть в незнакомой компании и, кроме того, считает, что если в ней больше шести человек, то удовольствие от еды испорчено, но он не хотел обидеть Фрица. Тот точно обиделся бы, если бы Вулф не пошел. К тому же кто бы приготовил ему обед в отсутствие Фрица? Но и учитывая все это, Вулф, скорее всего, отказался бы, если бы знал об одной детали, о которой нам с Фрицем сообщили заранее, а мы от него скрыли: в дополнение к обеду прилагалось двенадцать молодых официанток, по одной на каждого гостя.

Когда Хьюитт сказал мне об этом, я запротестовал: я не возьму на себя ответственность за поведение Вулфа на этой оргии, ведь он, само собой, не выдержит женского визга и попросту удерет.

– Бог ты мой, какая еще оргия, идея совсем в другом, – возразил Хьюитт. – Дело в том, что «Десять аристов» заимствовали у древних греков не только слово для названия.

Вино за столом у богов разливала богиня юности Геба, и потому аристы решили приглашать юных женщин в соответствующих одеждах, чтобы они обслуживали гостей за столом. Когда я спросил, где же их берут, Хьюитт ответил, что через театральное агентство. В это время года всегда полно безработных молодых актрис, которые с радостью хватаются за возможность заработать пятьдесят баксов за вечер плюс хорошо поесть, всего лишь подавая тарелки. Поначалу они через агентство нанимали опытных официанток, но те наступали на свои стóлы⁴.

Мы с Вулфом прибыли в семь ноль-ноль, познакомились с хозяином и остальными аристами, продегустировали устриц с белым вином, выбрав марку из пяти предложенных, после чего я отправился в кухню посмотреть, как там Фриц. Он что-то пробовал из очередной кастрюли, не проявляя при этом никаких признаков волнения, будто готовил дома для нас с Вулфом. В помощниках у него были Феликс и Золтан из «Рустермана», так что я не стал спрашивать, нужна ли моя помощь.

И еще там были Гебы – двенадцать богинь в темно-пурпурных стóлах, ниспадавших до щиколоток. Очень милые. Они навели меня на одну мысль. Фриц часто делает вид, будто у него есть основания полагать, что любая молодая особа подвергается опасности, если находится от меня ближе чем в миле, хотя подобное утверждение само по себе бессмысленно, так как на

⁴ *Стóла* – вид женской одежды у древних греков.

расстоянии больше мили их плохо видно, и потому я подумал, что Фрицу было бы полезно увидеть меня в ближнем бою. Кроме всего прочего, это была интересная задача, а также любопытный социологический эксперимент. С двумя первыми я справился за пару минут: Ферн Фабер, как она назвалась, высокая крашенная блондинка с вялым широким ртом, и Нора Джерет с большими карими глазами и ямочками на щеках. Теперь я нацелился на эту Кэрол Эннис с волосами цвета кукурузного шелка.

– У меня нет чувства юмора, – сказала она и отвернулась, чтобы и дальше наблюдать за Феликсом.

Я задумался.

– Мне совсем не до шуток, и в таком внезапном желании, как мое, нет ничего смешного. Оно мучительно. Ладно, попробую догадаться. Геба один, а... а... а... а? – (Молчание.) – Видимо, нет. Платон два, три-четыре-пять-шесть?

Тут она сказала, не глядя на меня:

– Горэм восемь, три-два-один-семь. – Резко повернулась. – Довольны? – И отвернулась снова.

Прозвучало это больше похоже на «довольны, и до свидания», чем на «довольны, и пожалуйста, позвоните как можно скорее», но я все равно записал ее номер для отчетности и отошел. Остальные по-прежнему сидели между буфетами, и я направился к ним. Темный пурпур одеяний красиво оттенял их милые молодые личики в обрамлении волос девяти оттенков, уложенных у каждой в своем стиле. Когда я подошел, болтовня прекратилась и личики повернулись ко мне.

– Вольно, – сказал я им. – Я здесь не как официальное лицо. Я лишь гость, который получил приглашение на этот обед, потому что дружу с поваром. У меня тут возникло личное затруднение. Я предпочел бы обсудить его с каждой из вас в отдельности и наедине, но так как на это нет времени, то я готов...

– Я знаю, кто вы, – объявила вдруг одна из богинь. – Вы детектив и работаете на Ниро Вулфа. Вы Арчи Гудвин.

У нее были рыжие волосы и молочно-белая кожа.

– Не буду отрицать, – ответил я, – но я здесь не в своем профессиональном качестве. Не стану задавать вопрос, не встречались ли мы раньше, потому что, если бы встречались, я не смог бы забыть...

– Не встречались. Я видела вас и вашу фотографию. А вы себя любите. Я права?

– Разумеется. Стараюсь придерживаться общих правил. Давайте проголосуем. Кто из вас себя любит? Поднимите руку.

Поднялась одна рука, вынырнув из пурпурных складок, потом еще две, потом руки подняли все, включая рыжеволосую.

– Отлично! – произнес я. – Этот вопрос выяснили. Единогласно. Затруднение мое заключается в том, что я хотел было разглядеть вас и у самой неотразимой и обаятельной попросить номер телефона, но вы поставили меня в тупик. Вы все неотразимы. По красоте и обаянию вы превзошли бы самые смелые ожидания любого поэта, а я не поэт. Так что, естественно, я в затруднительном положении. Кого же мне выбрать, если все...

– Дурак! – заявила рыжая. – Меня, конечно. Пегги Чоут. Аргайл два, три-три-четыре-восемь. Раньше полудня не звонить.

– Так нечестно, – послышался низкий, глубокий голос; он принадлежал особе, слегка староватой для Гебы и самую малость полноватой. – Можно называть вас Арчи?

– Разумеется. Именно так меня и зовут.

– Ладно, Арчи, проверим зрение.

Она подняла обнажившуюся руку и коснулась плеча своей соседки:

– Согласна, мы тут все красавицы, но пониже классом, чем Хелен Яконо. Посмотрите на нее!

Я так и сделал и должен сказать, в словах говорившей был смысл. Хелен Яконо, с глубокими темными глазами и темной бархатной кожей, волнистыми шелковистыми волосами цветом темнее, чем глаза и кожа, несомненно, была красива на редкость. Приоткрытые губы демонстрировали сияющие белизной зубы, но не улыбались. Она совсем на меня не реагировала, что было удивительно для актрисы.

– Наверное, меня настолько ослепило сияние вашего созвездия, что я не заметил блеска каждой звезды в отдельности, – признал я. – Наверное, я все-таки поэт, раз говорю, как поэт. Кажется, я должен просить номер телефона у вас всех, что, конечно, не затуманит образ Хелен Яконо. Признаюсь, и это меня не спасет, поскольку завтра придется думать, кому звонить в первую очередь. Если мои чувства, которые я испытываю сейчас, сохранятся до завтра, я должен буду звонить всем вам одновременно, что невозможно. Надеюсь, это не закончится для меня плохо. Но что, если я так и не смогу выбрать, кому звонить первой? Что, если я на этом свихнусь? Или же постепенно...

Я обернулся посмотреть, кто тянет меня за рукав. Рядом со мной стоял, широко улыбаясь всем своим румяным лицом, хозяин дома, Бенджамин Шрайвер.

– Не хочется прерывать вашу речь, но у вас наверняка будет возможность закончить ее позже. Мы садимся за стол. Не хотите ли присоединиться?

Глава 2

Столовая, которая находилась на том же этаже, что и кухня, фута на три ниже уровня земли, была бы, на мой вкус, чересчур мрачной, если бы на панелях из темного дерева не висели картины с изображениями гусей, фазанов, рыб, фруктов, овощей и прочих съедобных вещей; к тому же на белоснежной скатерти поблескивали в мягком электрическом свете бокалы – по семь штук перед каждым гостем, – и сияло начищенное серебро. В центре стояла низкая позолоченная или, может быть, золотая чаша, не меньше двух футов в длину, со свежесрезанными цветущими ветками одной из самых ценных орхидей Вулфа *Phalaenopsis Aphrodite*, которые он привез в подарок хозяину.

Уже расположившийся за столом Вулф смотрел на орхидеи и хмурился, но хмурился не из-за цветов, а из-за стула, который хотя и был не совсем стандартным и устроил бы и вас, и меня, но не совсем устраивал Вулфа, весившего одну седьмую тонны. Нижняя его часть свисала со стула с обеих сторон. Но он перестал хмуриться, когда Шрайвер с другого конца стола поблагодарил его за цветы, а Хьюитт, чье место было напротив Вулфа, сказал, что никогда не видел таких пышных фаленописов, и все стали хвалить их хором – все, кроме одного, сидевшего между Вулфом и мной. Это был тип с Уолл-стрит, всем известный театральный благодетель по имени Винсент Пайл, заработавший репутацию оригинала тем, что носил смокинг с галстуком, который казался в тон смокингу черным, а когда свет падал на него под определенным углом, становился зеленым. Пайл поднял глаза на орхидеи, поразглядывал их, склонив голову набок, и, поджав губы, произнес:

– Не люблю цветы в прожилках и пятнах. Выглядят неопрятно.

Я сказал про себя, не вслух: «Помереть – не встать». Если бы я знал, что он намерен именно это и сделать меньше чем через три часа, то и мысли бы такой не допустил. Ему ответили – не Вулф, не я, не Шрайвер и не Хьюитт, а трое других гостей, считавших пятнистые цветы в прожилках и пятнах прекрасными: Адриан Дарт, актер, который отказался от предложения Голливуда примерно этак на миллион долларов за одну неделю; Эмиль Крейс, генеральный директор издательства «Кодекс пресс», и Харви М. Ликрафт, юрист крупной корпорации.

Девушки за обедом на самом деле выполняли роль не Гебы. Вино, начиная с «Монраше» к первому блюду, разливал Феликс, а девушки разносили блюда – каждое в своем порядке. К первой подаче принесли разложенные по тарелкам в кухне блинчики – каждая несла по одной тарелке лишь для своего аристора, – посыпанные мелко нарезанным шнитт-луком, с горькой икры и со сметаной. Блины эти Фриц пек с одиннадцати утра, а сметану начал готовить с вечера воскресенья. Сметана у Фрица особенная, но Винсент Пайл проглотил ее и не заметил. Умяв все блинчики, он проворчал достаточно громко, чтобы услышали все за столом:

– Свежая идеяка добавить в муку песочка. Умно. Полезно для цыплят, чтобы лучше переваривали корм.

Гость, сидевший слева от меня, издатель Эмиль Крейс, наклонился к моему уху:

– Не обращайтесь внимания. У него третий провал за сезон.

Девушки, которых весь тот день натаскивали Фриц и Феликс, разлили суп из зеленой черепахи, не уронив на стол ни единой капли. Сначала они поставили супные тарелки, Феликс принес супницу и подносил к каждому гостю, а девушки наливали суп в тарелки. Я приветливо спросил у Пайла:

– Как насчет песка, есть?

Но он сказал, нет, суп восхитительный, и доел до конца.

Когда настала очередь рыбы, я с облегчением увидел, что ею занялись не девушки. Камбала, припущенная в белом вине, под соусом из мидий и грибов, – один из любимых изысков Фрица. Раскладывал ее за боковым столиком Феликс, а девушки подавали аристорам. Едва

кто-то пробовал соус, как тут же слышалось одобрительное бормотание, а Адриан Дарт, актер, который сидел через стол напротив Вулфа, пропел: «Потрясающе!» Все так или иначе выражали свои восторги, а юристконсульт Ликрафт даже поинтересовался у Вулфа, не согласится ли Фриц дать ему рецепт. Но тут справа от меня Пайл скорчил гримасу и со стуком бросил вилку в тарелку. Я решил, что он разыгрывает спектакль, и продолжал так думать, глядя, как он, наклонившись к столу, заскрипел зубами, а когда наклонился еще ниже, прижав руку ко рту, подумал, что он явно переигрывает. Двое или трое из гостей что-то шепнули Пайлу, но он отодвинул стул, поднялся, сказал: «Прошу извинить меня, очень жаль» – и направился к двери. Шрайвер встал и последовал за ним. Остальные переглянулись, обменявшись несколькими словами.

– Чертовски стыдно, но я собираюсь это доесть, – произнес Хьюитт и с этими словами взялся за вилку.

Кто-то спросил, все ли в порядке у Пайла с сердцем, и кто-то ответил, что да, в порядке. Все снова вернулись к камбале и прерванной беседе, но настроение было испорчено.

Когда по сигналу Феликса девушки начали убирать тарелки, Льюис Хьюитт встал и вышел из комнаты, через пару минут вернулся, сел на свое место и сказал громко, чтобы слышали все:

– У Винсента какие-то боли, приехал врач. Ничего не поделаешь, но Бен просит, чтобы мы продолжили без него. Он вернется, как только... как только сможет.

– Что случилось? – спросил кто-то.

Хьюитт сказал, что доктор сам не знает. Вошел Золтан с огромным накрытым блюдом, и Гебы собрались у бокового столика, а Феликс поднял крышку и начал раскладывать нашпигованного ломтиками шпика жареного фазана, которого Фриц вымачивал в токайском двадцать часов, а после фазана... Но все это уже не имело значения. Обед, которого десять любителей аристократии ждали целый год, провалился. Поскольку много лет я ел три раза в день блюда, приготовленные Фрицем Бреннером, мне хотелось бы выразить ему свою признательность, рассказав для печати несколько слов о том, что он способен сотворить из обычных продуктов, но не здесь. Фазан, разумеется, понравился бы богам, если бы они присутствовали на этом обеде, как и молочный поросенок, и салат с заправкой, которую Фриц называет «дьявольский дождь», и крокеты из каштанов, и сыр – единственный в своем роде, который делает в Нью-Джерси Билл Томпсон под руководством Фрица. Все это было так или иначе съедено. Но Хьюитт выходил из столовой еще трижды, и в последний раз его не было минут десять, а Шрайвер вовсе к столу не вернулся, а когда начали подавать салат, вышел Эмиль Крейс, и он тоже не вернулся.

Принесли сигареты и сигары, начали разливать кофе и бренди. Хьюитт ушел в пятый раз, и тут Ниро Вулф встал и последовал за ним. Я, чтобы чем-то себя занять, закурил сигару и попытался вместе с остальной компанией послушать Адриана Дарта, рассказывавшего какую-то историю, но, допивая кофе, почувствовал, что нервничаю. Наблюдая в течение всего последнего часа, как мрачнеет физиономия Вулфа, я понимал, что он вот-вот взорвется, а в таком состоянии, особенно вне дома, он мог выкинуть что угодно. Мог даже направить свой гнев на Винсента Пайла за то, что тот испортил обед Фрица. Так что я положил недокуренную сигару в пепельницу, встал и направился к двери. Я был уже на полпути, когда вошел Вулф, все так же гневно сверкая глазами.

– Иди за мной! – рявкнул он и развернулся.

Чтобы попасть в кухню из столовой, нужно было пройти через буфетную, узкую комнату длиной футов двадцать, где по обе стороны стояли столы, шкафы и полки. Вулф прошествовал мимо них, и я следом. В кухне на стульях и табуретках за столами и прилавками сидели двенадцать богинь и обедали. Какая-то женщина стояла у раковины. Золтан что-то искал в

холодильнике. Фриц наливал в бокал вино, вероятно для себя. Он оглянулся и, увидев Вулфа, поставил бутылку на стол.

Вулф подошел к нему и сказал:

– Фриц, приношу свои извинения. Я позволил мистеру Хьюитту тебя уговорить. Я должен был думать. Прошу прощения.

Фриц, по-прежнему державший в одной руке бокал, махнул свободной рукой:

– Что уж тут извиняться, можно только досадовать. Человек заболел, и это печально, но стряпня моя ни при чем. Уверяю вас.

– Можешь не уверять. Дело не в том, что ты приготовил, а что подали. Повторяю, вина моя, но сейчас не до того, это подождет. Есть кое-что поважнее. – Вулф повернулся. – Арчи, все ли женщины здесь?

Мне пришлось обойти полкухни, чтобы пересчитать их во всех углах.

– Да, сэра, все здесь. Двенадцать.

– Собери их. Пусть встанут... – Он указал на закуток между шкафами. – Вон там. И приведи Феликса.

Это было невероятно. Девушки обедали, а не в его правилах не дать человеку доест, хоть мужчине, хоть женщине. Хоть даже мне. Только в самых крайних случаях он обращался ко мне с просьбой прервать еду. Вот уж рассердился так рассердился. Я не моргнув глазом повернулся к девушкам и крикнул:

– Леди, прошу прощения, но раз мистер Вулф сказал: дело срочное – значит так и есть. Вон туда, пожалуйста. Все!

После чего прошел назад через буфетную, толкнул распашную дверь, встретился взглядом с Феликсом и поманил его пальцем. Когда мы появились в кухне, девушки уже стояли в нише, хотя и не слишком довольные. Когда мы с Феликсом подошли, то я услышал возмущенное бормотание и поймал их сердитые взгляды. Появился Вулф вместе с Золтаном и встал, разглядывая их с поджатыми губами.

– Хочу напомнить, – сказал он, – что сначала вы подали к столу блины с икрой и сметаной. В блинах, принесенных мистеру Винсенту Пайлу и съеденных им, был мышьяк. Мистер Пайл лежит наверху, при нем три врача, но, вероятнее всего, он не проживет и часа. Я говорю...

Вулф остановился, свирепо смотря на девушек. Никто из них не остался безучастным, хотя отреагировали все по-разному. Одна ахнула, другая охнула, третья схватилась за горло, еще одна зажала ладонями уши, и края столы съехали вниз, обнажив руки. Под его взглядом охи смолкли, и Вулф продолжил:

– Будьте любезны, помолчите и слушайте. Я излагаю свои выводы. Вывод о том, что мистер Пайл отравлен мышьяком, основывается на симптомах: жжение в горле, слабость, резкая боль в области живота, жажда, сухость кожи, рвота. Следующий вывод о том, что яд был в блинах, основан, во-первых, на времени действия мышьяка; во-вторых, слишком маловероятно, чтобы его положили в суп или в рыбу; и в-третьих, мистер Пайл пожаловался на песок в сметане или в икре. Я допускаю, что либо один, либо оба моих вывода неверны, но, думаю, вероятность этого очень мала, и потому действую, руководствуясь ими. – Вулф повернул голову. – Фриц, расскажи, кто раскладывал икру по тарелкам. Кто это делал?

Однажды я как-то сказал Фрицу, что не могу представить себе, при каких обстоятельствах у него стал бы несчастный вид, а теперь не нужно было и представлять. Фриц закусил губу, сначала нижнюю, потом верхнюю.

– Уверяю вас... – начал он.

– Не нужно никаких уверений, Фриц. Кто раскладывал?

– Мы с Золтаном. – Он показал пальцем. – Вот за этим столом.

– И тарелки остались там? Их отсюда унесли женщины?

– Да, сэра.

– Каждая из них взяла по одной тарелке?

– Да, сэр. Хочу сказать, что им так велели. Я был у плиты в кухне.

Тут подал голос Золтан:

– Я наблюдал за ними, мистер Вулф. Все взяли по одной тарелке. И поверьте, мышьяк никто не клал...

– Пожалуйста, Золтан. Могу сделать еще один вывод: в кухне никто не положил мышьяк ни в одну тарелку и, таким образом, предоставил случаю решать, кому из гостей достанется яд. Преступник, несомненно, преследовал определенную цель, а был ли его целью мистер Пайл, либо – учтем это как альтернативную возможность – кто-то другой – к мистери Пайлу яд попал случайно. В любом случае мышьяк был именно в тех блинах, которые съел Пайл, а был он отравлен намеренно или случайно, в данный момент не имеет значения. – Вулф посмотрел на девушек. – Кто из вас подал эту тарелку мистери Пайлу?

Никакого ответа. Ни словом, ни движением.

– Пф! – хмыкнул Вулф. – Если вы и не знали, кто он, теперь знаете. Мистер Пайл – это тот самый человек, который вышел из-за стола, когда подали рыбу, а сейчас умирает. Кто подал ему блины?

Снова никакого ответа, и я вынужден отдать им должное, потому что никто не оторвал глаз от Вулфа, чтобы взглянуть на рыжеволосую Пегги Чоут. Кроме меня.

– Черт возьми! – сказал я. – Громче, мисс Чоут.

– Это не я! – крикнула она.

– Что за глупости! Конечно же вы. И это могут подтвердить двадцать человек. Я смотрел на вас, когда вы наливали ему суп. А когда подали рыбу...

– Но блины подавала не я! У него уже стояла тарелка! Это не я!

– Ваша фамилия Чоут? – спросил Вулф.

– Да. – Она вздернула подбородок. – Пегги Чоут.

– Вы настаиваете на том, что не вы подали мистери Пайлу блины с икрой?

– Разумеется.

– Но должны были подать вы? Вам поручено было обслуживать этого гостя?

– Да. Я взяла тарелку, вошла в столовую и направилась к нему, но увидела, что у него уже есть тарелка, и подумала, что ошиблась. Гостей в лицо мы не знали. Вот этот человек, – она повернулась к Феликсу, – показывал нам только место, где будет сидеть наш гость, и мое было второе от входа справа, но там тарелка уже стояла, и я решила, что кто-то ошибся либо я перепутала. Так или иначе, я увидела, что у гостя рядом с ним, справа, тарелки нет, и поставила блины там. Это были вы. Я поставила их перед вами.

– В самом деле. – Вулф смотрел на нее, хмурясь. – Кто же должен был обслуживать меня?

Он не прикидывался. Он и в самом деле не знал, она это была или нет. Он ни разу не взглянул на свою официантку. Его раздражало, что нас обслуживают женщины, а кроме того, он терпеть не может поворачивать шею. Разумеется, я мог бы подсказать, но тут Хелен Яконо ответила:

– Я.

– Ваше имя, пожалуйста?

– Хелен Яконо. – У нее было глубокое контральто, которое прекрасно подходило к ее темным глазам, темной бархатной коже и шелковистым кудрям.

– Это вы подали мне блины?

– Нет. Когда я вошла, то увидела возле вас Пегги, а у гостя слева в конце стола никого не было, потому отнесла тарелку ему.

– Вы знаете, как его зовут?

– Я знаю, – ответила вместо Хелен Нора Джерет. – Из карточки. Это был мой гость. – Она смотрела на Вулфа своими большими карими глазами. – Его зовут Крейс. Когда я принесла

блины, у него тарелка уже была. Я сначала хотела отнести ее назад в кухню, но потом подумала, что у кого-то *страх сцены*, кто-то переволновался, а со мной все в порядке, и подала ее гостю в конце стола.

– С какой стороны?

– Слева. Мистеру Шрайверу. Днем он приходил в кухню и с нами беседовал.

Ее поддержала Кэрол Эннис – та самая, с волосами цвета кукурузного шелка и без чувства юмора.

– Это правда, – сказала она. – Я видела. Я хотела ее остановить, но она уже ставила тарелку, потому я обошла стол с другой стороны и увидела, что у Адриана Дарта блинов нет. Я подала ему их с удовольствием, потому что это был он.

– Вас приставили к мистеру Шрайверу?

– Да. Я обслуживала его, пока он не ушел.

Это превращалось в детский хоровод, но в конце концов кто-то должен был прятаться. Все, что оставалось сделать Вулфу, – это опрашивать всех, пока не дойдет до той, кто не сможет сказать, кому подала блины, и тут-то она и попалась. Мне не хотелось, чтобы ею оказалась девушка с хрипловатым голосом, которая должна была обслуживать Адриана Дарта, потому что она называла меня Арчи и похвалила красоту Хелен Яконо. Вот скажет она, что обслужила Дарта, или нет?

Нет, не сказала. Но ответила на мой вопрос раньше, чем он был задан:

– Меня зовут Люси Морган. И я должна была подать блины Адриану Дарту, но Кэрол сделала это раньше меня. Без блинов оставался только один гость, слева от Дарта, с ним рядом, и я поставила тарелку там. Не знаю, кто он.

С этим я помог:

– Хьюитт. Мистер Льюис Хьюитт.

Самое подходящее название для всего этого было бы не хоровод, а «переведи стрелки». Я посмотрел на Ферн Фабер, высокую крашеную блондинку с большим вялым ртом, которая стала у меня первой добычей в охоте за телефонными номерами.

– Ваша очередь, мисс Фабер, – сказал я ей. – Мистер Хьюитт был ваш. Так ведь?

– Так, конечно. – Голос ее зазвенел, почти превратившись в писк.

– Но икру ему подали не вы?

– Нет, конечно.

– Тогда кому вы поставили тарелку?

– Никому.

Я посмотрел на Вулфа. Он прищурился, глядя на нее:

– Что же вы с ней сделали, мисс Фабер?

– Я ничего с ней не сделала. У меня не было тарелки.

– Вздор! Вас двенадцать человек, за столом было двенадцать гостей, и все ели блины.

Почему же вы говорите, что у вас не было тарелки?

– Потому что не было. Я вышла в дамскую комнату поправить прическу, а когда вернулась, она брала со стола последнюю, а когда я спросила, где же моя, он сказал, что не знает, и я пошла в столовую посмотреть, у кого нет тарелки, но тарелки были у всех.

– Кто брал со стола последнюю?

Ферн Фабер показала на Люси Морган:

– Она.

– Кого вы спросили, где ваша?

Она показала на Золтана:

– Его.

Вулф развернулся:

– Золтан?

– Да, сэр. То есть да, она спросила, где тарелка. Когда унесли последнюю, я не видел, так как не смотрел на стол. То есть я не знаю, где она была до того, знаю только, что да, она спросила про тарелку. Я спросил у Фрица, не пойти ли мне посмотреть, у всех ли всё есть, а он ответил: нет, там Феликс, он обо всем позаботится.

Вулф снова повернулся к Ферн Фабер:

– Где та комната, где вы поправляли прическу?

Она показала в сторону буфетной:

– Там.

– Дверь за углом, – пояснил Феликс.

– Как долго вы там пробывали?

– Господи, я не знаю! Или вы думаете, я засекала время? Мы беседовали с Арчи Гудвином, потом пришел мистер Шрайвер и сказал, что гости садятся за стол, и они ушли, а я – вскоре после них.

Вулф бросил взгляд на меня:

– Так вот где ты был. Я мог бы и сам догадаться: там, где девушки. Допустим, мисс Фабер пошла поправлять прическу вскоре после вашего ухода... минуты, скажем, через три... Сколько времени у нее на это ушло, если она вернулась в кухню, когда уносили последнюю тарелку?

Я подумал немного:

– Минут пятнадцать-двадцать.

Тут он на нее рявкнул:

– Что случилось с вашими волосами?

– Я не сказала, что с ними что-то случилось! – огрызнулась она. – Вам, мистер, доложить все подробности?

– Нет.

Вулф окинул их довольно недружелюбным взглядом, набрал в грудь побольше воздуха – бушеля этак два, – выдохнул, повернулся спиной к девушкам, увидел бокал вина, который Фриц поставил на стол, подошел, поднял, понюхал и так и стоял там, не сводя с него глаз. Девушки зашушукались. Вулф, опомнившись, поставил бокал на место и вернулся к ним.

– Влипли вы в историю, – сказал он. – Впрочем, я тоже. Вы слышали, как я извинился перед мистером Бреннером за то, что он по моей вине согласился сегодня готовить. Когда наверху я увидел умирающего мистера Пайла и сделал те выводы, которые вам уже изложил, то решил, что должен разоблачить преступника. Обязан. По пути сюда, в кухню, я думал, что выяснить, кто подал мистеру Пайлу отравленную еду, несложно, но ошибся. Теперь ясно, что мы имеем дело с человеком, не только находчивым и изобретательным, но и ловким и дерзким. В то время как я, как мне казалось, неумолимо приближал события к тому, что мы обнаружим преступницу в момент, когда ей пришлось бы либо противоречить чьим-то утверждениям, либо отрицать, что вообще кому-то подавала тарелку, она мысленно надо мной насмеялась, и не без оснований, поскольку ее уловка сработала. Она проскользнула у меня между пальцами, и...

– Но она не делала этого! – воскликнула одна из девушек, чьего имени я не знал. – Она же сказала, что осталась без тарелки!

– Нет, – покачал головой Вулф. – Я имею в виду не мисс Фабер. Она теперь единственная, кто не подпадает под подозрение. Судя по ее словам, она отсутствовала здесь в течение всего того времени, когда уносили тарелки, и не рискнула бы утверждать это, если бы на самом деле находилась здесь, взяла тарелку и отнесла ее мистеру Пайлу. Кто-нибудь наверняка заметил бы это.

Он снова покачал головой.

– Не она. Но кто-то из вас. Вы – я обращаюсь к той, кого мне предстоит раскрыть, – вы должны очень верить в своего божка-хранителя, который помогает даже вашему коварству. Вы очень рисковали. Вы взяли тарелку – наверное, не первой, но среди первых, – а по пути в столовую положили в сметану мышьяк. Это было несложно. Это можно сделать и на ходу, если мышьяк был в бумажном пакетики. От бумажки избавились позже... возможно, в комнате, которую мисс Фабер называет дамской. Вы подали тарелку мистеру Пайлу, быстро вернулись в кухню, взяли другую, отнесли в столовую и подали другому гостю. Я сейчас не пытаюсь гадать, я утверждаю: именно так и должно было быть. Маневр на редкость ловкий, но ничто не бывает безупречным. – Он повернулся к Золтану. – Вы сказали, что наблюдали за тем, как девушки разбирали тарелки, и что брали их по одной. Кто-нибудь подходил за тарелкой дважды?

Вид у Золтана был такой же несчастный, как и у Фрица.

– Я пытаюсь вспомнить, мистер Вулф. Пытаюсь, хотя боюсь, вряд ли смогу. Я не смотрел на лица, а одеты все одинаково. Наверное, я не очень хорошо наблюдал.

– Фриц?

– Нет, сэр. Я стоял у плиты.

– Тогда попробуем так. Золтан, кто подошел среди первых – три или четыре первых?

Золтан медленно покачал головой:

– Боюсь, это бесполезно, мистер Вулф. Я могу попытаться вспомнить, но не могу быть уверен. – Он посмотрел вправо, влево, снова на девушек. – Говорю же, я не смотрел на лица. – Он воздел руки кверху, подняв ладони. – Поймите, мистер Вулф, я не думал про мышьяк. Я просто следил за тем, чтобы они правильно держали тарелки. Думал ли я о том, что в одной из них яд? Нет, не думал.

– Я взяла первую тарелку, – сказала девушка, еще одна, чьего имени я не знал. – Я взяла ее и поставила на стол перед гостем, которого и должна была обслуживать. Он сидел крайний слева, на противоположной стороне от входа, и все время оставался там. Я тоже не выходила из столовой.

– Прошу, ваше имя.

– Марджори Куинн.

– Спасибо. Теперь вторая. Кто взял вторую тарелку?

Вероятно, никто. Вулф ждал секунд десять, поджав губы, стараясь охватить взглядом их всех.

– Советую, – сказал он, – напрячь память, чтобы не пришлось вытягивать из вас воспоминания, восстанавливая порядок, в каком вы брали тарелки. Надеюсь, до этого не дойдет. – Он посмотрел вбок. – Феликс, вас не спрашиваю намеренно, чтобы дать время подумать. Вы находились в столовой. Я надеялся, что, услышав, кто подал блины мистеру Пайлу, вы это подтвердите, но теперь, когда выяснилось, что нечего подтверждать, придется подтвердить не слова, а сам факт. Вынужден попросить вас указать на нее.

В каком-то смысле Вулф был боссом Феликса. Когда умер самый давний и самый близкий друг Вулфа, Марко Вукчич, владелец «Рустермана», по завещанию ресторан отошел всем членам попечительского совета, но Вулф был попечителем, а Феликс – метрдотелем. При такой позиции в лучшем ресторане Нью-Йорка Феликс, разумеется, умел и подчиняться, и командовать, но сейчас не нужно было ни то ни другое. Если же выражение его лица отражало то, что он чувствовал, Феликс в этот момент был несчастен.

– Не могу, – сказал он.

– Пф! Ваша профессия – замечать любую мелочь, так или нет?

– Так, мистер Вулф. Я знал, вы меня спросите, но ответить на ваш вопрос не могу. Могу объяснить. Девушка, которая только что говорила, Марджори Куинн, вошла в столовую, как она и сказала, первой. Не сказала она, что, когда ставила тарелку, один блин соскользнул на скатерть. Я бросился к ней, потому что она собиралась взять его пальцами, оттолкнул ее руку,

положил блин назад вилкой и повернулся к ней. Одним словом, в тот момент я не следил за ними. Когда для обслуживания обеда нанимают женщин, это само по себе не очень хорошо, но ведь наняли еще и без опыта. Когда я вернулся к своим обязанностям, рыжеволосая девушка, Чоут, как раз подходила с тарелкой к мистеру Пайлу, к которому была приставлена, но тарелка перед ним уже стояла. Я шагнул было к ней, но она повернулась к вам и подала тарелку вам. Порядок нарушился полностью, и я ничего не мог сделать. Смуглокожая мисс Яконо, которая должна была обслуживать вас, направилась к мистеру Крейсу, а та, что...

– Прошу вас, – голос Вулфа прозвучал резко, – я все это уже слышал от них, как и вы. Я всегда считал вас достойным доверия, но не исключено, что в вашем положении метрдотеля «Рустермана» вы могли бы пойти на хитрость, чтобы не оказаться втянутым в историю с отравлением. Так вы решили схитрить, Феликс?

– Боже милостивый, мистер Вулф, я и так в нее втянут!

– Отлично. Я видел, как эта девушка уронила блин и потянулась к нему рукой, а также видел, как вы положили его на тарелку. Да, вы уже втянуты, хотя иначе, чем я. – Он повернулся ко мне. – Арчи, обычно ты у меня первый помощник, но сейчас ты моя последняя надежда. Ты сидел рядом с мистером Пайлом. Кто поставил перед ним эту тарелку?

Я, конечно, знал, что он задаст этот вопрос, но даже не старался припомнить, потому что это было бесполезно.

– Нет, – просто, но твердо ответил я, и он сердито посмотрел на меня, тогда я добавил: – Это все. Просто: нет. Но, как и Феликс, могу объяснить. Во-первых, мне пришлось бы повернуться, чтобы увидеть ее лицо, а это было бы неприлично. Во-вторых, я отвлекся на Феликса, на то, как он спасал блин. В-третьих, начался спор о цветах в пятнах и крапинках, и я, как и вы, слушал, что говорят. Я даже не заметил ее руки.

Вулф стоял и дышал. Закрыв глаза, снова открыл и снова вдохнул поглубже.

– Невероятно, – пробормотал он. – Этой паршивке невероятно повезло.

– Я иду домой, – заявила Ферн Фабер. – Я устала.

– Я тоже, – сказала еще одна девушка и сделала было шаг, но Вулф остановил ее взглядом.

– Советую вам остаться. Мисс Фабер в самом деле выходит из числа подозреваемых, а также мисс Куинн, поскольку в тот момент, когда мистеру Пайлу подали отраву, ею занимался Феликс, но даже им я советовал бы остаться. Мистер Пайл при смерти. Врачи, конечно же, скоро вызовут полицию, так что будет лучше, если, когда приедет полиция, вы все будете здесь. Я надеялся раскрыть убийцу до их приезда. Черт побери! У нас еще есть шанс. Арчи, иди за мной. Фриц, Феликс, Золтан, оставайтесь здесь с девушками. Если одна... или не одна, а сколько-то из них... захотят уйти, не задерживайте их, но запишите имя и время ухода. Если кто-нибудь проголодается, накормите. Я буду...

– Я иду домой, – настаивала Ферн Фабер.

– Отлично. Идите. Полиция вытащит вас из постели, не успеете уснуть. Фриц, я буду в столовой. Идем, Арчи.

Он двинулся прочь, и я за ним – в буфетную и через распашную дверь в столовую. На ходу я посмотрел на свои наручные часы: десять минут двенадцатого. Я почти ожидал, что в столовой пусто, но ошибся. Там были все, кроме Шрайвера и Хьюитта, которые, вероятно, оставались наверху. В воздухе витали густые клубы сигарного дыма. За исключением Адриана Дарта, они сидели за столом, отодвинувшись от него под разными углами, с бокалами бренди и с сигарами. Дарт стоял у стены под картиной, изображавшей летящую стаю диких гусей, и что-то рассказывал. При виде нас он замолчал, и все повернулись к нам.

– А вот и вы, – сказал Эмиль Крейс. – Я ходил на кухню, но не стал вас прерывать. Шрайвер просил меня извиниться перед Фрицем Бреннером. У нас есть правило: после обеда приглашать повара присоединиться к нам выпить шампанского, что, конечно, по-варварски,

зато весело, но, разумеется, при сложившихся обстоятельствах... – Он не закончил фразы, а после добавил: – Должен ли я объяснить ему? Или вы сами?

– Я сам.

Вулф подошел к столу и сел с краю. Он был на ногах уже второй час – почти столько же, сколько каждый день проводил в оранжерее, но одно дело дома, другое – здесь.

Он оглядел присутствующих:

– Жив ли еще мистер Пайл?

– Надеемся, – ответил один из аристов. – В самом деле искренне на это надеемся.

– Мне пора быть дома в постели, – сказал другой. – У меня завтра тяжелый день. Но не похоже... – Он затаился сигарой.

Эмиль Крейс протянул руку к бутылке бренди:

– Был жив, когда я туда поднимался, но с тех пор тишина. – Он посмотрел на свои наручные часы. – Почти целый час. Видимо, пора мне снова подняться. Чертовски неприятно!

Он налил себе бренди.

– Ужасно! – произнес один из них. – Просто ужасно! Насколько я понимаю, вы интересовались тем, кто из девушек принес ему икру. Крейс говорит, вы спрашивали у него об этом.

Вулф кивнул:

– А также у мистера Шрайвера и у мистера Хьюитта. У мистера Гудвина, и мистера Бреннера, и у обоих помощников, которых я пригласил, чтобы помочь повару. И у девушек. С ними я беседовал больше часа, но так ничего и не добился. Я понял, каким образом было совершено преступление, но не выявил личность преступника.

– Не слишком ли вы торопитесь? – спросил адвокат Ликрафт. – Возможно, нет никакого преступника. Возможно, есть острое тяжелое расстройство желудка...

– Вздор! Прошу прощения, мистер Ликрафт, не до учтивостей. Симптомы типичны для отравления мышьяком, и вы все слышали, как мистер Пайл пожаловался на песок, но дело не только в этом. Как я уже сказал, я понял, как действовал преступник... преступница. Никто из девушек не признался в том, что принес мистеру Пайлу тарелку с блинами. Та, кто была прикреплена к нему, войдя в столовую, увидела, что тарелка перед ним уже стоит, и обслужила меня. Нет, тут есть преступница. Она положила в сметану мышьяк *en passant*⁵, поставила тарелку перед мистером Пайлом, вернулась на кухню за другой и дальше вела себя как все. Это установленный факт.

– Но в таком случае, – возразил адвокат, – одна из них осталась без тарелки. Как такое могло случиться?

– Я в своем деле не новичок, мистер Ликрафт. Я изложу вам все подробности позже, если захотите, но сейчас должен продолжить. Это не гипотеза, что яд мистеру Пайлу был в блинах с икрой, это факт. Благодаря удивительному совпадению ее ловкости и везения она до сих пор остается не разоблаченной, и потому я обращаюсь к вам. Ко всем. Я прошу вас закрыть глаза и постараться вспомнить эту сцену. Мы все сидим за столом, обсуждаем орхидеи... пятна, крапинки. Входит женщина, ставит вот сюда, – он указал на место, – тарелку, один блин соскальзывает на скатерть, Феликс бросается к столу, возвращает блин на тарелку. Если закрыть глаза, вспомнить легче. В это же время входит следующая женщина, подходит к мистеру Пайлу, ставит тарелку перед ним. Я спрашиваю: кто из них?

Эмиль Крейс покачал головой:

– Я сказал вам еще наверху: не знаю. Я не видел лица. А если и видел, то мельком и не запомнил.

Актер Адриан Дарт стоял возле стены с закрытыми глазами, со вздернутым подбородком, скрестив руки на груди, – прекрасная поза, чтобы сосредоточиться. Все остальные, и даже

⁵ По пути (*фр.*).

Ликрафт, тоже закрыли глаза, но, конечно, никто из них не шел в сравнение с Дартом. Через некоторое, довольно долгое время они один за другим открывали глаза и качали головой.

– Нет, – произнес Дарт своим глубоким мелодичным баритоном. – Я наверняка ее видел, так как сидел напротив, но нет. Не знаю.

– Я не видел, – сказал другой. – Я просто ее не видел.

– Я смутно припоминаю, – сказал еще один, – но слишком смутно, черт побери! Нет.

Все говорили одно и то же. Никто ничего не помнил.

Вулф положил ладони на стол.

– В таком случае придется мне взяться за это дело, – мрачно сказал он. – Я ваш гость, джентльмены, и не хочу никого обидеть, но именно по моей вине Фриц Бреннер оказался втянут в это прискорбное происшествие. Если мистер Пайл не выживет... а он наверняка...

Дверь открылась – и вошел Бенджамин Шрайвер, за ним – Льюис Хьюитт, а следом большая, знакомая фигура – сержант Пэрли Стеббинс из отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена.

– Винсент умер, – подойдя к столу, сообщил Шрайвер. – Полчаса назад. Доктор Джеймсон вызвал полицию. Он считает... Он практически уверен в том...

– Погодите! – рыкнул у него за плечом Пэрли. – Лучше я, если не возражаете.

– Господи! – простонал Адриан Дарт, и его передернуло.

Это было последнее слово, которое я в этом деле слышал от аристора.

Глава 3

– Я этого не говорил! – заорал инспектор Кремер. – Хватит проверять мои слова! Я не говорил о соучастии! Я лишь сказал: вы что-то скрываете. И что, черт возьми, за привычка такая – чесать шею?! Каждый раз чешете!

Это было в среду, без четверти два. Мы сидели в кабинете на первом этаже в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице – Вулф в своем сделанном на заказ кресле. Весь распорядок дня пошел кувырком. Когда мы наконец вернулись домой в пять утра, Вулф велел Фрицу забыть про завтрак и до особого распоряжения не беспокоиться, а меня отправил в оранжерею – написать Теодору записку, где я должен был сказать, что в девять Вулф там не появится, а может быть, и вовсе не появится. Но появился. В половине двенадцатого он позвонил Фрицу по внутреннему телефону и велел принести наверх четыре яйца и десять кусочков бекона вместо обычных двух яиц и пяти кусочков, и был уже второй час, когда наконец загудел лифт, а затем раздались его шаги.

Если кому-то кажется, что трудно договариваться с упрямым ребенком, попробуйте иметь дело с упрямым слоном. Он будет стоять на своем даже в обычном настроении, а тот день был и в самом деле тяжелым.

Вулф просмотрел почту, бросил взгляд на свой настольный календарь, подписал три чека, которые я ему положил на стол, и рявкнул:

– Хорошенькая перспектива! Если возиться с каждой в отдельности, это никогда не закончится. Соберешь всех здесь в шесть часов?

Я был спокоен и только спросил:

– Кого – всех?

– Сам прекрасно знаешь. Этих женщин.

Я все еще был спокоен.

– На мой взгляд, десяти хватит. Сами сказали, что двух можно исключить.

– Мне нужны все. Эти две могут помочь восстановить очередность того, как уносили тарелки.

Я по-прежнему держался. Я и сам не выспался – спал даже меньше, чем он, и мне не хотелось ссориться.

– У меня есть предложение, – начал я. – Предлагаю отложить мероприятие до тех пор, пока извилины не заработают. Хорошо помогает – сосчитать до пятисот. Черт возьми, вы прекрасно знаете, что во второй половине дня их всех, всех двенадцать, либо пригласят в офис окружного прокурора, либо навестят на дому. Большинство наверняка будет у окружного прокурора. И наверняка проторчит там весь вечер. Хотите, дам аспирина?

– Я хочу, чтобы ты их привел! – рявкнул он.

Я мог бы уйти, чтобы он самостоятельно вернулся в нормальное состояние, и немного вздремнуть у себя, но, в конце концов, он мне платит. Потому я вынул из машинки лист бумаги, встал и протянул ему. Там я напечатал:

	Должна обслуживать	Обслужила
Пегги Чоут	Пайл	Вулф
Хелен Яконо	Вулф	Крейс
Нора Джерет	Крейс	Шрайвер
Кэрол Эннис	Шрайвер	Дарт
Люси Морган	Дарт	Хьюитт
Ферн Фабер	Хьюитт	Никого

– Ферн Фабер исключили. И, насколько я понимаю, это не обязательно одна из этих пяти, хотя последнюю тарелку унесла Люси Морган. Вероятно, после Пегги Чоут тарелки взяли еще одна или две девушки и отнесли их своим гостям. Но похоже... – Я замолчал, потому что он скомкал мой листок и бросил в мусорную корзину.

– Я слышал их всех! – рявкнул он. – Мои умственные способности, включая память, остались при мне. Я просто раздражен сверх всякой разумной меры.

У него это можно было считать попыткой извиниться и, кроме того, означало, что он начал приходить в себя. Но через несколько минут, когда позвонили в дверь и я, посмотрев через одностороннюю стеклянную панель, доложил, что пришел инспектор Кремер, и Вулф велел впустить его, а Кремер протопал в кабинет, устроился в красном кожаное кресло и начал с невежливого заявления, будто тот утаивает от полиции факты, касающиеся убийства, Вулф окончательно вернулся. А затем Кремер спросил, что, черт возьми, за привычка такая – все время чесать шею. Это было для меня что-то новенькое, а в устах инспектора звучало немного вульгарно. Похоже, набрался от какой-то шпаны.

И то, что Кремер был раздражен сверх всякой разумной меры, Вулфу пошло на пользу. Он откинулся на спинку кресла.

– Все что-нибудь да скрывают, – спокойно сказал он. – Или, по крайней мере, о чем-то умалчивают уже хотя бы потому, что упомянуть обо всем невозможно. Несколько часов подряд, почти шесть утомительных часов, я, как и мистер Гудвин, отвечал на все ваши вопросы. Я и в самом деле считал, что мы вам помогли. Я считал, мы расчистили вам кое-какие завалы.

– Да уж... – Благодарности в голосе Кремера не слышалось. Его большое красное лицо всегда становилось краснее отнюдь не от удовольствия, а когда он злился на Вулфа. – Вы были свидетелем убийства и не сообщили...

– Это не называлось убийством, пока он был жив.

– Ладно, не убийство – преступление. Вы не только не сообщили, вы...

– Преступлением на тот момент это считал только я. Другие со мной не согласились. Мистер Ликрафт, член коллегии адвокатов и, стало быть, сам слуга закона, спорил со мной по этому поводу всего лишь за пару минут до того, как в столовую вошел мистер Стеббинс.

– Вы были обязаны сообщить об этом. Вы лицензированный детектив. Кроме того, вы начали расследование, допрашивали подозреваемых...

– Я лишь проверял свои выводы. Я был бы просто болваном, если бы сообщил, не выяснив прежде...

– Черт возьми! – гаркнул Кремер. – Вы дадите мне закончить предложение? Одно!

Плечи Вулфа поднялись на одну восьмую дюйма и опустились.

– Разумеется, если это так важно. Я не смеюсь над вами, мистер Кремер. Но я уже ответил на подобные обвинения вам, мистеру Стеббинсу и помощнику окружного прокурора. Я не тянул с сообщением о преступлении и не брал на себя функции полиции. Хорошо, закончите предложение.

– Вы знали, что Пайл умирает. Вы сами так сказали.

– Это тоже было лишь мое предположение. Врачи еще пытались его спасти.

Кремер задохнулся. Он посмотрел на меня, не увидел никакой поддержки и снова повернулся к Вулфу:

– Я скажу, почему я здесь. Эти трое: повар, его помощник и тот, кто был в столовой, – Фриц Бреннер, Феликс Курбе и Золтан Махани – это все ваши люди. Ваши знакомые. Мне нужно знать о них все, по крайней мере о двух из них. Фрица можно исключить. Во-первых, трудно представить себе, чтобы Золтан не знал, кто взял первые две или три тарелки, а также не подходил ли кто-то за тарелкой второй раз, и не менее трудно поверить, что Феликс не видел, кто принес тарелку Пайлу.

– Да, действительно, – согласился Вулф. – Они оба отлично знают свое дело. Но их уже спрашивали об этом.

– Да, спрашивали. Также трудно поверить, будто и Гудвин не видел, кто обслуживал Пайла. Он всегда все видит.

– Мистер Гудвин вот он. Скажите это ему.

– Говорил. Теперь я хочу узнать ваше мнение по этому поводу. Знаю, вы его уже излагали, и не спорю, но ведь есть и альтернативные версии. Сначала факт. В кухне в металлическом мусорном бачке – не в мусорном ведре – мы нашли свернутый бумажный кулечек из обычной белой бумаги, заклеенный с одного конца скотчем. Эксперты в лаборатории обнаружили внутри частицы мышьяка. Единственные два более или менее отчетливых отпечатка принадлежат Золтану. Он говорит, что увидел этот кулечек под столом в кухне вскоре после начала обеда – он не помнит точно когда, – подобрал его с пола и бросил в бачок, а отпечатки остались, потому что он приоткрыл край, чтобы проверить, нет ли чего внутри.

– Я так и думал, – кивнул Вулф. – Бумажная упаковка.

– Ну да. Я не утверждаю, что это противоречит вашей гипотезе. Можно было вытряхнуть из него яд в сметану, не оставляя отпечатков, и наверняка она не оставила бы следов на полу, если бы думала, что они там *могли* остаться. Но ведь отпечатки Золтана *есть*. Разве мы не можем предположить, что Золтан отравил одну из порций, а потом проследил за тем, чтобы она попала к определенному человеку? Я сам отвечаю. Тут есть два слабых места. Во-первых, Золтан утверждает, что не знал, какая девушка прикреплена к какому гостю. Но Феликс-то знал, и они могли быть в сговоре. Во-вторых, все девушки говорят, что Золтан им не указывал, какую тарелку брать, но вы же знаете, как это бывает. Он мог подсунуть ей эту тарелку молча, так что девушка и не заметила бы. Почему мы не можем принять это как версию?

– Нарушение логики здесь очевидно, – объявил Вулф. – Если бы все было так, как вы говорите, почему одна из них вернулась за другой тарелкой?

– Она растерялась. Нервничала. Не сообразила.

– Вздор! Почему же она не сказала об этом?

– Испугалась.

– Не верю. Я опрашивал их раньше вас. – Вулф отмахнулся. – Вздор! И вы сами это понимаете. Моя гипотеза обоснована аргументами. Надеюсь, вы уже ведете расследование в этом направлении. Я посоветовал мистеру Стеббинсу осмотреть их одежду, чтобы проверить, не было ли у кого-то кармана. Яд у нее должен был быть наготове.

– Он проверил. Карманы были у всех. Эксперты нигде не обнаружили следов мышьяка. – Кремер распрямил ноги. – Мы проверяем все в соответствии с вашей гипотезой. Возможно, через неделю-другую мы и сами бы к ней пришли. Но я хотел спросить ваше мнение об этих двоих. Вы хорошо их знаете.

– Да, знаю. Но не отвечаю за них. У них на совести может оказаться дюжина убийств, но они оба не имеют никакого отношения к смерти мистера Пайла. Если вы ведете расследование в соответствии с моей гипотезой... вернее, с моими выводами... вы, полагаю, уже установили очередность, в какой уносили тарелки.

– Нет, – покачал головой Кремер, – и сомневаюсь, что это удастся. Все, что у нас есть, – это набор противоречивых фактов. Вы их здорово напугали до того, как мы ими занялись. Мы знаем, кто были пять последних, отсчитывая от Пегги Чоут, которая сказала, что у Пайла уже была тарелка, и свою поставила перед вами, затем... Впрочем, вам это известно. Вы это знаете.

– Нет. Я знаю, в каком порядке они брали тарелки, но не знал, что они были последние. Между ними к столу мог подходить кто-нибудь еще.

– Нет. Мы точно установили, что они подходили последними. Пегги Чоут, затем Хелен Яконо, Нора Джерет, Кэрол Эннис и Люси Морган. Потом подошла Ферн Фабер, выходявшая в уборную, но ей тарелки не досталось. Мы не смогли установить порядок, в каком они подходили к столу до того. Не можем определить порядок для первой семерки, кроме самой первой, Марджори Куинн. И вы не смогли бы.

Вулф повернул руку ладонью вверх:

– Мне не хватило времени.

– Неужели? Вы напугали их до смерти и пошли в столовую пугать гостей. Вот ваше расследование, как вы его понимаете, и к черту закон! Я удивился, когда пришел, увидев здесь Гудвина. Я думал, вы его отправили куда-нибудь, например с поручением заглянуть в агентство, откуда они набрали девушек. Или проверять Пайла, чтобы найти связь между ним и одной из них. Разве что потеряли интерес к этому делу?

– Мне волей-неволей приходится интересоваться, – сказал Вулф. – Как я уже объяснил помощнику окружного прокурора, именно по моей вине человек умер, съев то, что приготовил Фриц Бреннер. Но я никогда не даю мистеру Гудвину бессмысленных поручений. У меня он один, а у вас помощников много. Если тут есть какая-то связь с агентством или по линии мистера Пайла, вы раскопаете. Разумеется, они уже копают, но, если бы хоть что-то нашли, вас бы здесь не было. Если бы я отправил туда мистера Гудвина...

В дверь позвонили, и я встал и пошел открывать. Дверь кухни у меня за спиной приоткрылась, Фриц высунул голову в коридор, увидел меня и скрылся. Отвернувшись от него, я выглянул на крыльцо через одностороннюю стеклянную панель и понял, что слегка ошибся, когда говорил Вулфу о том, как трудно будет собрать девушек, поскольку все двенадцать проведут весь день в другом месте. Не все. Перед дверью стояла Хелен Яконо.

Глава 4

На мой взгляд, Кремер уже сказал все, что хотел, и собирался уйти, а если бы они столкнулись с Хелен Яконо, она, скорее всего, смутилась бы и не дала бы мне свой номер телефона, ради чего наверняка и пришла, так что по этой причине я, открывая дверь, прижал палец к губам, прошептал: «Ш-ш-ш!» – и поманил ее пальцем, приглашая войти в дом. Темные глаза посмотрели на меня с легким испугом, но она все же переступила порог, а я запер дверь, развернулся и жестом велел ей пройти в гостиную, вошел туда сам и закрыл дверь.

– Что случилось? – спросила она шепотом.

– Теперь все в порядке, – сказал я ей. – Тут хорошая звукоизоляция. В кабинете у мистера Вулфа сидит инспектор полиции, и я подумал, что на сегодня с вас полиции хватит. Разумеется, если вы сами хотите с ним встретиться...

– Не хочу. Я хочу увидеть Ниро Вулфа.

– Ладно, передам ему, когда уйдет инспектор. Садитесь. Вряд ли это надолго.

Из гостиной в кабинет можно попасть через смежную дверь, но я пошел в обход, и тут в коридоре появился Кремер. Он протопал мимо меня, даже слова не сказав вежливости ради, но я все равно его выпустил, а после пошел и доложил Вулфу:

– Одну из них я уже могу вам доставить – Хелен Яконо, ту самую, смуглокожую Гебу, которая принесла блины вам, но отдала Крейсу. Должен ли я держать ее у себя, пока не доберусь до остальных?

Он скривился:

– Чего она хочет?

– Встретиться с вами.

– Черт возьми! – вздохнул он. – Веди ее.

Я открыл дверь в гостиную, пригласил Хелен и подвел к красному кожаному креслу. Она смотрелась в нем приятнее, чем Кремер, хотя выглядела не так впечатляюще, как вчера. Глаза опухли, кожа потускнела. Она совсем не спала, сказала она Вулфу. Она приехала сразу из офиса окружного прокуратора, поскольку дома у нее мать, позднее придут из школы братья и сестры и поднимут шум, так что, как бы то ни было, она решила сначала встретиться с Вулфом. Мать у нее старых правил и не хочет, чтобы дочь стала актрисой. Казалось, будто она ищет место, где можно вздремнуть, но тут Вулф ее перебил:

– Полагаю, мисс Яконо, вы пришли не за тем, что вам нужен совет, становиться ли вам актрисой.

– Нет, конечно. Я пришла, потому что вы детектив и очень умный человек, а я страшно боюсь. Боюсь же я вот чего: если станет известно, что я кое-что сделала, я никем не стану. Даже если я останусь жива, родители велют мне сидеть дома и никуда не пустят. Я уже чуть не проболталась, когда меня допрашивали. Потому решила все рассказать вам, а потом, если вы мне поможете, я помогу вам. Если пообещаете меня не выдать.

– Я не могу пообещать вас не выдать, если вы признаетесь в совершении преступления или сокрытии сведений, касающихся преступления.

– Это ни то и ни другое.

– В таком случае даю вам свое слово и мистера Гудвина. Мы сохранили множество тайн.

– Тогда ладно. Я ударила Винсента Пайла ножом, так что меня забрызгало кровью.

Я вытаращил глаза. На какую-то долю секунды я подумал, будто она хочет сказать, что он умер вовсе не от яда, что она пробралась вверх и его зарезала, хотя вряд ли такое было возможно, потому что, уж наверное, врачи заметили бы рану.

Объяснять свои слова она явно не собиралась, и Вулф сказал:

– Мисс Яконо, удар ножом обычно называют преступным действием. Когда и где это произошло?

– Это не было преступным действием, это была самооборона. – Ее голос звучал так ровно, будто речь шла о таблице умножения. Очевидно, она готовила эти модуляции для сцены. – Это произошло в январе, примерно три месяца назад. Конечно, я о нем слышала, как и все в шоу-бизнесе. Не знаю, правду ли говорят, что он финансирует спектакли ради новых девушек, но похоже. Ходят слухи, будто у него то одна девушка, то другая, хотя толком никто ничего не знает, потому что он на этот счет всегда был очень осторожен. Девушки иногда проговаривались, но он помалкивал. Я не о том, как он с кем-то обедал, я про «последний рубеж». Мы на Бродвее так это называем. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Догадываюсь.

– Иногда говорим «последний барьер». Это то же самое. В начале зимы он начал за мной ухаживать. Конечно, мне было известно о его репутации, но он вложил деньги в «Лист ариземы», и уже начали подбирать актеров на роли. Я же не знала, что постановка будет провальной, а если девушка хочет получить роль, то должна уметь общаться. Мы с ним несколько раз ходили обедать, потанцевать и так далее, а потом он пригласил меня к себе, и я пошла. Он сам приготовил обед... Я ведь сказала, он был очень осторожен. Ведь так?

– Сказали.

– Ну так это правда. У него пентхаус на Мэдисон-авеню, но, кроме нас, там никого не было. Я позволила ему себя поцеловать. Я рассуждала так: актрису всегда целуют на сцене, в кино, по телевизору, так какая разница? Мы приходили туда три раза, и ничего особенного не произошло, но в четвертый раз – в январе – он на глазах превратился в животное, и нужно было как-то его остановить, так что я схватила нож со стола и ударила его. Кровью мне забрызгало платье, и дома я попыталась отстирать его, но пятно осталось. Платье стоило сорок шесть долларов.

– Однако мистер Пайл не умер.

– О нет! После мы с ним виделись несколько раз... случайно виделись... Но он со мной почти не разговаривал, и я с ним тоже. Не думаю, что он кому-нибудь рассказал о том случае, но что, если рассказал? Что, если полиция узнает?

– Это, конечно, было бы неприятно, – хмыкнул Вулф. – Вопросов задавали бы еще больше, чем сейчас. Но если вы искренне все рассказали, опасность вам не грозит. Полицейские не дурачки. В убийстве, которое произошло вчера, вас никто бы не обвинил, и уж никому в голову не пришло бы вас арестовать за то, что в январе вы ударили мистера Пайла ножом в целях самообороны.

– Естественно, – согласилась она. – Я боюсь не ареста. Я боюсь родителей. Если полиция начнет расспрашивать, они все узнают, и мне придется выбирать между семьей и сценой, а я этого не хочу. Разве вы не понимаете? – Она подалась вперед в красном кожаном кресле. – Но если полиция быстро выяснит, кто это сделал, кто его отравил, тогда все быстро закончится, и все будет в порядке. Только я боюсь, сами они это быстро не выяснят, а вы, думаю, могли бы, если я вам помогу. Вчера вы сказали, что это ваш долг. Я не могу предложить это полиции, потому что они спросят, с чего бы это.

– Понимаю. – Вулф прищурился. – И каким же образом вы намерены мне помочь?

– Намерена вот как. – Она передвинулась на край кресла. – Как вы вчера сказали, отравила его одна из девушек. Она взяла тарелку среди первых, потом вернулась и взяла другую. Я не совсем понимаю, зачем она это сделала, но вы-то понимаете – значит, все в порядке. Но если она вернулась за другой тарелкой, то вряд ли подошла за ней сразу. Скорее всего, была одной из последних, а полиция уже выяснила, кто был в последней пятерке. Я поняла это по вопросам, которые они мне задавали. Значит, или Пегги Чоут, или Нора Джерет, или Кэрол Эннис, или Люси Морган.

– Или вы.

– Нет, не я, – сказала она просто, словно между прочим. – Значит, это одна из них. Но не могла же она отравить его просто так, ведь правда? Должна быть очень серьезная причина, чтобы отравить человека. Так что тут в первую очередь нужно выяснить, у кого причина была, а с этим я могу помочь. Я не знакома с Люси Морган, зато немного знаю Кэрол и неплохо – Нору и Пегги. А сейчас мы вместе влипли в историю, и я могу сделать вид, будто просто решила поболтать. Мол, поскольку мне пришлось признаться, что я с ним несколько раз обедала и нас видели вместе, и я подумала: кто-нибудь сказал бы им, так что лучше скажу сама. Встречались с ним многие, но он так осторожничал, что мы знаем, кто перешел с ним «последний рубеж», только если они сами признались. А ведь так можно выяснить, у кого из этих четырех девушек была причина его убить, и сообщить вам. И все закончится.

Я поздравил себя с тем, что не успел попросить у нее номерок, а если бы успел, сейчас вычеркнул бы без малейших сожалений. Не хочу сказать, что готов угостить кофейком девушку, только если она полна исключительного благородства, но где-то нужно провести черту. Мне показалось, что Вулф почувствовал то же отвращение, так как потерял дар речи.

– Есть предложение, мисс Яконо, – вмешался я. – Приведите их сюда, всех вместе, и пусть мистер Вулф с ними побеседует. Он, как вы и сказали, очень умный человек.

Она засомневалась:

– По-моему, это не очень хорошая идея. Думаю, они скорее скажут что-то мне, один на один. Вы так не думаете, мистер Вулф?

– Вы их знаете лучше, чем я, – пробормотал он. Ему удалось держать себя в руках.

– А потом, – продолжила она, – когда мы выясним, у кого из них была причина, и сообщим в полицию, я могу сказать, что видела, как она подошла за другой тарелкой. Разумеется, где я видела ее, где была она и где я, будет зависеть от того, кто это. Я видела ваше лицо, мистер Вулф, когда сказала, что вы сможете разоблачить ее, если я вам помогу, видела его выражение. Вы ведь подумали, что двадцатилетняя девушка ничем не может помочь, ведь так?

Тут я посочувствовал ему. Разумеется, он с удовольствием ответил бы, что такая ведьма и двадцати лет может пригодиться, но прозвучало бы это невежливо.

– Вероятно, я отнесся к вашим словам немного скептически, – признал он. – К тому же думаю, вы слишком упрощаете проблему. Тут нужно учитывать все факторы. Во-первых, преступление не было спонтанным, у преступницы был заранее продуманный и хорошо подготовленный план, поскольку яд она принесла с собой. Значит, она заранее знала, что среди гостей будет присутствовать мистер Пайл. Как по-вашему, могла она знать?

– Конечно. Мы все знали. В агентстве мистер Бухман показал нам список гостей и пояснил, кто они такие, хотя, конечно, про Винсента Пайла ему не пришлось рассказывать. Предложил он нам это примерно месяц назад, так что у нее было достаточно времени, чтобы достать яд. Трудно ли раздобыть мышьяк?

– Совсем нетрудно. Он широко используется для разных целей. Полиция, разумеется, выясняет, где и как она могла бы его добыть, но она заранее знала, что это случится, а она не глупа. Есть еще одно обстоятельство: разве мистер Пайл, увидев, как она разносит еду, не должен был бы насторожиться?

– Он же не видел ее. Перед встречей нас никто из них не видел. Она подошла к нему сзади, поставила на стол тарелку. Конечно, позже увидел, но к тому времени он уже был отравлен.

– Но позже? – не отступил Вулф. – Ему стало плохо, но он был в сознании и мог говорить. Почему он не назвал ее?

Она нетерпеливо махнула рукой:

– Что-то вы не так умны, как говорят. Он не знал, что ту тарелку принесла она. Когда он ее увидел, она обслуживала другого человека и...

– Какого другого?

– Не знаю. Откуда мне знать? Только не вас, потому что вас обслуживала я. Он мог вообще не подозревать, что она хочет его убить. Конечно, причина у нее была, понятно, но, может быть, он не знал, что для нее она настолько серьезная. Мужчины не понимают, что чувствует девушка... По крайней мере, некоторые. Посмотрите на меня. Он не понимал, что у меня и в мыслях не было переходить «последний рубеж». Он думал, я способна забыть про честь, про добродетель ради роли в пьесе, в которую он вкладывал деньги, а она все равно провалилась. – Хелен Яконо сделала тот же нетерпеливый жест. – Я думала, вы хотите ее поймать. А вы только и делаете, что возражаете мне.

Вулф потер сбоку нос:

– Хочу, мисс Яконо, очень хочу ее поймать. И поймаю. Но я, как и мистер Пайл, пусть по другим причинам, очень осторожен. Я не могу себе позволить испортить дело. Я искренне благодарен вам за предложение помочь. Вам не понравилась идея мистера Гудвина привести всех их сюда для общей беседы, и, возможно, вы правы. Но мне не нравится ваша идея встречаться с ними один на один и все сделать самой. Та, кого мы ищем, злобная и коварная гарпия, и я не намерен подвергать вас опасности. У меня есть встречное предложение. Встретьтесь с ними вместе с мистером Гудвином. Он опытный следователь и знает много уловок, как перехитрить противника, а также вовремя заметит опасность, если она возникнет. Если не сумеете дозвониться до них сейчас, условьтесь встретиться вечером... Только не здесь. Может быть, кто-нибудь из них живет в подходящей квартире, а если нет, то назначьте встречу в отдельном кабинете в любом ресторане. Разумеется, за мой счет. Сможете?

Теперь была ее очередь возражать ему, и доводов она нашла не один. Но Вулф отклонил их, дав понять, что примет от нее помощь, лишь если сама она примет его условия, и тогда она наконец сдалась. Она позвонит мне, когда договорится с ними. Она встала, собираясь уйти, и вид у нее был такой, будто она зашла сюда, чтобы купить какую-нибудь ерунду, например сумочку, и великодушно приняла совет продавца. Я со всей возможной любезностью проводил ее к двери, проследил за тем, как она спустилась по семи ступенькам с крыльца, и вернулся в кабинет, где Вулф сидел, закрыв глаза и положив на подлокотники кулаки.

– Могу поставить даже деньги, – сказал я.

– На что? – рыкнул он.

– На нее против всех остальных. Она прекрасно знает, у кого есть серьезная причина убить его и даже какая. Стало чересчур жарко, и она решила, что лучший способ уйти от опасности – это подставить кого-нибудь из любимых подруг.

Он открыл глаза:

– Безусловно, она на это способна. Женщина, у которой нет совести, не остановится ни перед чем. Но зачем она приходила ко мне? Почему сама не приготовила свое рагу и не подала полицейским?

– Не знаю, но может, боялась, что они проявят излишнее любопытство, выяснят, каким образом она спасла свою честь и достоинство, расскажут родителям, и отец ее отшлепает. Должен ли я теперь угадать, почему вы сделали свое встречное предложение, вместо того чтобы заставить ее привести их сюда?

– Она не привела бы их. Она так и сказала.

– Разумеется, привела бы, если бы вы настаивали. Это всего лишь ваша гипотеза. Моя же заключается в том, что вас приводит в ужас мысль о том, что сюда придут сразу пять женщин. Когда вы велели мне собрать здесь всех двенадцать, вы сами прекрасно знали, что эта задача не под силу даже мне. Ладно, жду инструкции.

– Не сейчас, – пробормотал он и закрыл глаза.

Глава 5

Я поднялся на четвертый этаж старого дома без лифта на одной из Западных Девяностых недалеко от Амстердам-авеню. Не знаю, где там были кухня или спальня – или спальни, – потому что единственная комната, которую я увидел, была та, где мы сидели. Размера она была среднего, а диван, стулья и коврики выглядели по-домашнему – до той степени по-домашнему, какая появляется тогда, когда мебелью пользуются лет пятьдесят-шестьдесят, причем часто и разные люди. У стула, на котором сидел я, шаталась одна ножка, но это нестрашно, если не забывать об этом и не делать резких движений. Больше меня беспокоил паукообразный столик, на котором стоял мой стакан молока. Молоко я могу пить всегда и уж предпочитаю его газировке под названием «Баббл панг» (зарегистрированная торговая марка, десять центов за бутылку), которую пили они. Была среда, десять часов вечера.

Хозяйками комнаты были Пегги Чоут, с рыжими волосами и молочно-белой кожей, и Нора Джерет, с большими карими глазами и ямочками на щеках. Кэрл Эннис, с прелестным профилем и волосами цвета кукурузного шелка, приехала раньше нас. Мы с Хелен Яконо привезли с собой Люси Морган, с хрипловатым голосом, попросив таксиста сделать небольшой крюк, чтобы забрать ее на углу соседнего квартала. Все были красотики, хотя смотрелись, конечно, не так живописно, как в пурпурных столах. Девушки всегда эффектнее выглядят в униформе или в одинаковых нарядах. Возьмите хотя бы медсестер, или лифтерш, или мисс Дыньку на празднике дыни.

Я теперь обращался к ней по имени, но не потому, что мне это нравилось, а потому, что, раз ведешь расследование, должен уметь общаться, хотя, разумеется, нужно блюсти свою честь и достоинство. В такси, пока мы еще не подобрали Люси Морган, она сказала, что долго думала и сейчас ей кажется, нам вряд ли удастся выяснить, у кого была причина убить Пайла, то есть это она так считала, что была, поскольку Пайл соблюдал все меры предосторожности, если приглашал девушку к себе в пентхаус. Единственный способ выяснить – это разговорить их, а в этом Хелен и сомневалась, так как признаться в знакомстве с Пайлом означало бы практически признаться в убийстве. Потому лучшее, что мы с Хелен могли бы сделать, – поболтать с ними вечером и решить, кто из них, скорее всего, мог бы решиться на убийство, и тогда она сказала бы Вулфу, что видела, как та вернулась в кухню и взяла вторую тарелку, а Вулф сказал бы это полиции, и все было бы кончено.

Нет, мне не нравилось называть ее по имени. По мне, так лучше всего было бы держаться от нее подальше и не называть никак.

Хелен объявила о цели встречи, сказав, что девушки могут от меня узнать, что уже удалось выяснить полиции и Ниро Вулфу, чтобы быть в курсе. Она выразила уверенность, что это будет несложно, так как, встретившись со мной один на один, поняла, что я очень милый и очень отзывчивый. Потому хозяйки старались, чтобы вечер вышел немного праздничным и по-семейному теплым, и предлагали мне газировку, хотя я предпочитаю молоко. В какой-то момент у меня возникло подозрение, что по крайней мере одна из них, а именно Люси Морган, предпочла бы виски, или джин, или ром, или водку, а возможно, не только она, но тогда я мог бы заподозрить, что они совсем не те здравомыслящие и высоконравственные работницы искусства, какими я их себе представлял.

Вид у них был совсем не праздничный. Не сказал бы, что измученный, но цветы явно отцветали. И они не купились на слова Хелен обо мне, будто я милый и отзывчивый парень. На их лицах читался исключительно скепсис, когда они бросали на меня косые взгляды, особенно Кэрл Эннис, сидевшая на диване, положив ногу на ногу и склонив голову набок. Именно она после нескольких фраз о том, как все было ужасно, спросила, хорошо ли я знаю повара и второго человека, который был на кухне. Я ответил, что про Фрица можно забыть. Он вне

подозрений, к тому же, когда уносили тарелки, он стоял у плиты. Что касается Золтана, то с ним я знаком давным-давно, но это не имеет значения, потому что, даже если бы он и знал, кто кого из гостей будет обслуживать, и если это он подсыпал отраву в тарелку и видел, как ее взяла одна из девушек, почему эта девушка или, допустим, другая пришла за тарелкой во второй раз?

– Нет никаких доказательств, что кто-то вернулся, – заявила Кэрол. – Никто ее не видел.

– Никто не заметил, – возразил я без какого бы то ни было напора, поскольку предполагалось, что я милый и отзывчивый. – Девушки не заметили, как она вышла, так как смотрели на Феликса и Марджори Куинн, которая уронила блин, а гости не обращали на них внимания. Единственным местом, где ее могли заметить, была буфетная, а если бы она там с кем-нибудь столкнулась, то сделала бы вид, что поправляет прическу или что-нибудь в этом роде. В любом случае одна из вас должна была вернуться за тарелкой, потому что, когда подошла Ферн Фабер, тарелок не было.

– Почему вы говорите «одна из вас»? – спросила Нора. – Вы ведь не имеете в виду нас, здесь присутствующих. Там нас было двенадцать.

– Я имею в виду одну из вас, здесь присутствующих, но это не то чтобы говорю я. Я лишь повторяю то, что говорит полиция. Полиция считает, что это был кто-то из пяти девушек, которые брали последние тарелки, то есть одна из здесь присутствующих.

– Откуда вы знаете, что считает полиция?

– Не могу сказать. Знаю, и всё.

– Я поняла, – заявила Кэрол. Она переменяла позу и поставила ноги на пол. – Думаю, это был Золтан. В «Газетт» писали, что он шеф-повар в «Рустермане», а Ниро Вулф там попечитель, значит он там главный, и, наверное, Золтан по какой-то причине его ненавидит и хотел отравить, но отравленная тарелка попала не к той девушке. Ниро Вулф ведь сидел рядом с Пайлом.

Говорить ей, что она проигнорировала факт возвращения кого-то из них за второй тарелкой, не было никакого смысла, потому я сказал:

– Никто не вправе помешать вам думать. Но очень сомневаюсь, что полиция на это купится.

– А на что они купятся? – спросила Пегги.

По отношению к Пегги я испытывал сложные чувства. За: она меня узнала и запомнила, как меня зовут. Против: упрекнула в том, что я сам себе нравлюсь.

– На то, что укладывается в их картину, – ответил я. – Как я уже сказал, там считают, что одна из вас пришла на кухню во второй раз, из чего делают вывод, что яд в тарелку Пайла положила одна из вас, иначе по какой еще причине можно было пойти за другой тарелкой? Они не купятся на то, что не укладывается в их схему. Потому сняли подозрения со всех, включая Золтана. – Я повернулся к Кэрол. – Прошу прощения, мисс Эннис, но это так.

– Ненормальные, – произнесла Люси Морган. – У них, видите ли, идея, и значит, другой уже нет места. – Она сидела на полу, вытянув ноги и прислонившись спиной к дивану. – Я согласна с Кэрол: нет никаких доказательств того, что кто-то из нас вернулся. И этот ваш Золтан сказал, что не видел, чтобы кто-то возвращался. Разве нет?

– Сказал. Он и сейчас так говорит.

– Тогда он тоже ненормальный. А еще сказал, что никто не брал две тарелки. Разве нет?

– Правильно. Он и сейчас так говорит.

– Тогда откуда они знают, что это не так? Мы все нервничали – сами знаете. Может быть, одна из нас взяла две тарелки, а в столовой поняла, что ошиблась, и поставила перед кем-то, у кого еще не было блинов.

– Тогда почему она сразу не призналась? – спросил я.

– Потому что испугалась. Ниро Вулф так на нас напустился, что кто угодно мог испугаться. А теперь не признается, потому что подписала показания и еще больше боится.

– Прошу прощения, – покачал я головой, – но, если вы немного подумаете, сами поймете, что это не объяснение. Слишком хитроумно. Можете попробовать сделать то же, что я сделал сегодня днем. Возьмите двадцать четыре маленьких кусочка бумаги, напишите на двенадцати имена гостей и разложите в том порядке, в каком они сидели за столом. На остальных напишите имена двенадцати девушек. Попередвигайте кусочки с именами девушек и посмотрите, удастся ли сделать так, чтобы девушка взяла две тарелки и поставила обе не перед Пайлом, или же чтобы она вернулась за второй и опять же подала их обе кому-то другому. Не получится. Потому что девушки и так запутались, а тут путаница вышла бы дважды. А коли запутались только один раз, то девушка, которая не принесла бы сразу две тарелки или же не вернулась за второй, не могла обслужить Пайла. Так что предположение, будто кто-то из вас мог *ненамеренно* два раза принести тарелку, отпадает.

– Я в это не верю, – твердо сказала Нора.

– Это не вопрос веры. – Я все еще старался быть милым. – С тем же успехом можно сказать, что вы не верите в то, что два плюс два – четыре. Я покажу. Не дадите ли мне листок бумаги? Любой, можно старой.

Она подошла к столу и достала оттуда несколько листков бумаги, а я взял ручку и написал на них двадцать четыре имени и разорвал листки на двадцать четыре кусочка. Затем встал на колени и разложил на коврике двенадцать кусочков с именами гостей в том же порядке, в каком они сидели за столом. Не то чтобы это имело значение, можно было выложить по прямой или по кругу, но так было проще. Девушки сгрудились над ними. Нора стояла на коленях напротив меня, Люси рядом с ней опиралась на локти, Кэрол сидела на корточках со мной рядом, Пегги устроилась на полу с другого ее бока, а Хелен стояла за спиной Норы.

– Ладно, – сказал я, – сейчас проверим.

Я взял кусочек с именем «Куинн» и положил его позади «Ликрафт».

– Это доказано: Марджори Куинн принесла первую тарелку и поставила Ликрафту. Помните, путаница началась, когда Пегги увидела, что тарелка уже стоит перед Пайлом, и свою подала Ниро Вулфу. Попробуйте сделать так, чтобы девушка – все равно кто – принесла вторую тарелку либо сразу две тарелки, если вы по-прежнему думаете, что это возможно, и при этом не подала блины Пайлу или не начала второй путаницы.

Я долго тренировал память в самых сложных условиях, которые мне создавал Вулф, но даже я не рискнул бы воспроизвести все варианты, которые они придумывали, сгрудившись вокруг меня на полу, даже если бы вы меня попросили. Они возились там полчаса, если не больше. Настойчивее всех оказалась Пегги Чоут, с рыжими волосами. Остальные уже сдались, а она все сидела там, нахмурившись и закусив губу, опираясь сначала на одну руку, потом на другую. Наконец она сказала: «Чушь какая-то», – смешала в кучу бумажки с именами гостей и девушек, поднялась и села на свое место. И я тоже.

– Это какой-то фокус, – заявила Кэрол Эннис, которая снова сидела на краешке дивана.

– Все равно не верю, – через некоторое время объявила Нора Джерет. – Не верю, что кто-то из нас намеренно отравил человека... Одна из нас, здесь присутствующих. – Ее большие карие глаза обратились ко мне. – Боже мой, вы посмотрите на нас! Покажите кто! Покажите! Вы ведь можете!

Разумеется, именно это и было целью моего визита: не то чтобы показать, но хотя бы понять, кто бы это мог быть. Была у меня смутная надежда на хоть какую-нибудь подсказку, когда я наблюдал за тем, как они переключивали бумажки, но она не оправдалась. К тому же я ждал, что Хелен Яконо заведет разговор о *modus operandi* Винсента Пайла в отношении девушек, но, по-видимому, она решила оставить это мне. С того момента, когда мы вошли в квартиру, она не произнесла и двадцати слов.

– Если бы я мог сейчас показать, кто она, – начал я, – то не беспокоил бы вас. И в полиции, если бы уже знали, не держали бы столько времени. Рано или поздно, конечно, узнают, хотя, вероятно, им придется зайти с другой стороны. Мотив. Выяснить, у кого из вас был мотив, и рано или поздно они найдут, и тут я, возможно, могу помочь. Я не имею в виду помочь полиции, я имею в виду помочь вам – не той, кто убила Пайла, а всем остальным. У меня мелькнула такая мысль, когда Хелен Яконо призналась, что зимой несколько раз встречалась с Пайлом. Что было бы, если бы она стала отпираться? Полиция выяснила бы это... а они выяснили бы... и она попала бы на лжи. Это не доказывало бы, что убила она, но неприятности ей были бы обеспечены. Насколько я понимаю, все вы сказали, что у вас с Пайлом не было ничего общего. Это так? Мисс Эннис?

– Естественно. – Она вздернула голову. – Конечно же, я с ним встречалась. На Бродвее с ним все встречались. Один раз, когда он зашел за кулисы в «Коронет», еще раз на какой-то вечеринке и еще раз не помню где.

– Мисс Морган?

Она криво мне улыбнулась:

– Вы это называете помочь нам?

– Надеюсь, что смогу помочь, когда буду знать положение дел. В конце концов, вы ведь уже давали показания.

Она пожала плечами:

– Я здесь дольше, чем Кэрол, так что встречалась и разговаривала с ним побольше, чем она. Один раз, два года назад, мы с ним танцевали в клубе «Фламинго». Ничего ближе между нами не было.

– Мисс Чоут?

– Ничего такого. Я из Монтаны. Приехала в Нью-Йорк только осенью. Его мне как-то показали, но меня он никуда не приглашал.

– Мисс Джерет?

– Он с Бродвея, – сказала она. – А я с телевидения.

– Неужели они не пересекаются?

– А-а, да. Постоянно. «Сарди». Это единственное место, где я видела знаменитого Пайла, и я с ним не встречалась.

Я хотел было положить ногу на ногу, но вспомнил про шаткую ножку и передумал.

– Значит, так: под подозрением вы все. Если его отравил кто-то из вас, то, как бы это ни было неприятно, вынужден сказать, что одна из вас лжет. Но если лжет, то не только она. Если кто-то видел больше, лучше признаться в этом как можно скорее. Не хотите говорить копам, скажите мне, здесь и сейчас, а я передам это по адресу и скажу, что из вас это вытянул. Поверьте, если вы этого не сделаете, то пожалеете.

– Арчи Гудвин – лучший друг девушек, – произнесла Люси. – Мой друг сердечный.

Остальные промолчали.

– Я и в самом деле ваш друг. Всех, кроме одной. Я всегда самым дружеским образом отношусь ко всем хорошеньким девушкам, особенно к работающим, и я уважаю вас и восхищаюсь вами за то, что вчера вы честно заработали свои пятьдесят баксов, разнося тарелки этим придирам. Да, я ваш друг, Люси, если вы не убийца, а если убийца, то у вас нет друзей. – Я подался вперед, забыв про шаткую ножку, но она стерпела. Пора было подвести черту в персональном проекте Хелен Яконо. – Вот еще что. Допускаю, что кто-то из вас и в самом деле видел, как она возвращалась в кухню, а вы не сказали об этом, поскольку не хотели стать доносчицей. Если так, колитесь сейчас же. Чем дольше тянуть, тем будет горячее. Когда дела примут совсем плохой оборот и вы решитесь признаться, может быть уже поздно. Завтра может оказаться поздно. Если завтра вы пойдете в полицию, там вам могут и не поверить, там решат, будто

вы убийца и пытаетесь выкрутиться. Если не хотите говорить здесь и сейчас, в присутствии убийцы, поедemте со мной к Ниро Вулфу и побеседуем там.

Они переглянулись, и взгляды у них были отнюдь не дружеские. Когда я сюда приехал, наверное, никто из них, кроме убийцы, не верил, что она может среди них оказаться, а теперь, если и не поверили, то, по крайней мере, допускали такую мысль; а если уж она возникла, то прощай, дружба. Неплохо было бы, если бы в чем-то взгляде я заметил страх, но страх в глазах трудно отличить от тревоги или сомнения.

– Ну вы и помощник, – с горечью произнесла Кэрол Эннис. – Теперь мы из-за вас начнем ненавидеть друг друга. Теперь мы подозреваем друг друга.

Я достаточно побыл милым и отзывчивым.

– Пора бы, – ответил я и посмотрел на свои часы. – Двенадцатый час. Если я заставил вас понять, что это не бродвейская постановка и не телевизионное шоу и что чем дольше оттягивать развязку, тем хуже для всех, то я в самом деле помог. – Я поднялся. – Едем. Я не хочу сказать, что мистер Вулф разгадывает любую загадку на один щелчок пальцами, но он способен удивить. Я удивлялся не раз.

– Хорошо. – Нора встала. – Едем. Черт возьми, это становится больно! Поехали.

Не стану утверждать, что именно этого я и добивался. Признаю, я просто увлекся собственной речью. Если бы я привез эту команду к двенадцати, когда Вулф уже ляжет спать, он почти наверняка отказался бы выходить на сцену. Даже если бы он не лег, то мог бы не выйти, просто чтобы преподать мне урок, потому что я нарушил инструкции. Такие мысли замелькали у меня в голове, когда я смотрел, как Пегги Чоут вскочила на ноги, а Кэрол Эннис встала с дивана.

Но я волновался зря. Та встреча с Вулфом не состоялась. Приоткрытая все это время дверь в дальнем углу вдруг широко распахнулась, и в ней, как в раме, появилась фигура о двух ногах, широченная, чуть не заполнившая собой весь проем, и перед моими сощуренными глазами предстал сержант Пэрли Стеббинс из отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена. Он шагнул ко мне со словами:

– Удивляюсь я на тебя, Гудвин. Этим девушкам нужно поспать.

Глава 6

Я, конечно же, оказался в дураках. Если бы меня провел Стеббинс, я, наверное, вскочил бы на подоконник и прыгнул. Прыжок с четвертого этажа на асфальт стал бы финалом моей жизни, и, если бы меня одурачил Пэрли, жалеть бы о ней не стоило. Но, разумеется, это затеял не он, а Пегги Чоут, или Нора Джерет, или они обе. Пэрли лишь принял их приглашение заглянуть в гости, посидеть и послушать.

Так что лицо я сохранил. Сказать, что я развеселился, было бы преувеличением, но я не вскрикнул и не стал рвать на себе волосы.

– Привет, – тепло произнес я. – Рад встрече. Я все думал, почему же ты не вышел к нам, а сидел там один в темноте.

– Ну конечно, думал он. – Пэрли подошел и встал на расстоянии вытянутой руки. Оглянулся. – Отдыхайте, леди. – Снова повернулся ко мне. – Ты арестован за посягательство на деятельность полиции. Идем.

– Одну минуту. У нас вся ночь впереди. – Я обратился к девушкам: – Пегги и Нора, разумеется, знали, что этот герой там прятался, но я...

– Я сказал: идем! – рыкнул он.

– А я сказал: погоди минуту. Я намерен задать пару вопросов. У меня и в мыслях нет оказывать сопротивление при аресте, но я долго стоял на коленях, и у меня ногу свело, так что, если торопишься, придется меня нести. – Я обвел их глазами. – Хотелось бы знать, всем ли вам было известно о нем. Вы, мисс Яконо?

– Конечно нет.

– Мисс Морган?

– Нет.

– Мисс Эннис?

– Нет, я не знала, а вы, думаю, знали. – Она вскинула голову, и кукурузный шелк пошел волной. – Это отвратительно! Сказали, что хотите помочь. Мы разговорились бы, а полицейский нас слушал.

– А потом он выходит и меня арестовывает?

– Это ваши игры.

– Хороши игры. Поинтересуйтесь у своих подруг, у Пегги и Норы, знал ли я о полицейском... Впрочем, вряд ли вы им поверите. Вот они-то знали, но вам не сказали. Вам всем нужно как следует подумать о том, что здесь говорилось. Ладно, сержант, нога в порядке.

Он действительно хотел взять меня за локоть, но я вовремя шагнул вперед, и он упустил мой локоть. Я открыл дверь на площадку. Разумеется, я и должен был спускаться первым: ни один полицейский в здравом уме не пойдет вниз по лестнице первым с арестованным за спиной. Когда мы вышли на улицу и он велел мне шагать налево, я спросил:

– А где наручники?

– Допросишься, клоун, – проскрипел он.

На Амстердам-авеню он поймал такси, и пока мы ехали, я сказал:

– Я тут вспоминаю про законы, свободы и так далее. Например, про необоснованный арест. Например, про посягательство на деятельность полиции. Если человека арестовывают за посягательство на деятельность полиции, а после оказывается, что он и не собирался на нее посягать, становится ли арест необоснованным? Нужно лучше знать законы. Значит, придется спросить у адвоката. Вот Натаниэль Паркер наверняка это знает.

При упоминании о Паркере, адвокате, к которому в случае необходимости обращается Вулф, до него дошло. Пэрли знал, как работает Паркер.

– Тебя все слышали. И я слышал, и я еще немного записывал. Ты вмешался в расследование убийства. Ты рассказал им о выводах полиции, сам так сказал, о чем в полиции думают, что делают и намерены делать. Ты устроил игру с этими бумажками и объяснил, как там все произошло. Ты пытался их вынудить рассказать тебе то, что они должны были сообщить полиции, и собрался везти их к Ниро Вулфу, чтобы тот смог выудить из них все, что можно. Ты можешь даже оправдаться тем, будто Вулф действует в интересах клиента. У него нет клиента.

– Ошибаешься. Есть.

– Черта с два есть! Кто она?

– Не она, а он. Фриц Бреннер. Он сам не свой, поскольку еда, которую он приготовил, оказалась отравлена и из-за нее умер человек. Удобно, знаешь ли, когда клиент живет с тобой под одной крышей. Так ты признаешь, что детектив, обладающий соответствующей лицензией, имеет право вести расследование в интересах своего клиента?

– Ничего я не признаю.

– Разумно, – одобрил я. – И не нужно. Когда окажешься под судом за необоснованный арест, так и говори, но я ставлю два против одного, что тебе все равно предъявят обвинение, потому что мои слова может подтвердить наш таксист. Водитель, вы нас слушаете?

– Конечно слушаю, – улыбнулся тот. – У вас очень интересный разговор.

– Так что следи за языком, – посоветовал я Пэрли. – Могут штрафануть на годовую зарплату. Насчет выводов, которые полиция сделала о пяти последних, я лишь передал слова Кремера в беседе с мистером Вулфом. И инспектор не предупредил нас, что это конфиденциальная информация. Насчет того, о чем думают в полиции, – комментарий тот же. Насчет игры в бумажки, а что в ней плохого? Насчет моих попыток вынудить их что-то рассказать, не буду комментировать, не хочу быть невежливым. Просто сорвалось с языка. Спроси, почему я не запротестовал там, в квартире, а говорю об этом сейчас, то какой был смысл спорить? Ты испортил вечеринку. Они бы уже все равно со мной не поехали. Кроме того, я сэкономил доллар мистеру Вулфу: раз я арестован, то такси оплачивается за счет города. Так я арестован?

– Да, черт возьми!

– Как неразумно. Водитель, вы его слышали?

– Само собой, слышал.

– Хорошо. Постарайтесь не забыть.

Мы остановились на красный на перекрестке Девятой авеню и Сорок второй улицы. Когда загорелся зеленый и мы тронулись с места, Пэрли велел водителю остановиться, и тот подрулил к тротуару. В это время ночи здесь много открытых магазинчиков. Пэрли достал что-то из кармана, показал водителю и предложил: «Пойди купи себе кока-колы и возвращайся через десять минут». Тот выбрался из машины и ушел. Пэрли повернулся и посмотрел на меня.

– Я заплачу за кока-колу, – предложил я.

Он оставил это без внимания.

– На Двадцатой улице, – сказал он, – нас ждет лейтенант Роуклифф.

– Отлично! Могу поспорить, пусть я арестован, но через десять минут он у меня начнет заикаться.

– Ты не арестован.

Я подался вперед, чтобы увидеть счетчик.

– Девяносто центов. Начиная с этого момента платим пополам.

– Черт возьми, прекрати паясничать! Если ты думаешь, что я струсил, то ошибаешься. Просто не вижу смысла. Я прекрасно знаю, что будет, если я доставлю тебя в участок. Будешь молчать. Мы из-за тебя всю ночь глаз не сомкнем, а утром ты позвонишь, и придет Паркер. И что нам это даст?

Я мог бы напомнить про иск за необоснованный арест, но это было бы недипломатично, потому я сказал:

– Приятно проведенное время в моем обществе.

У Пэрли и Кэрол Эннис была одна общая черта, только одна: полное отсутствие чувства юмора.

– Но тебя ждет лейтенант Роуклифф, ты важный свидетель в деле об убийстве, и ты обрабатывал там подозреваемых.

– Можешь арестовать меня как важного свидетеля, – услужливо предложил я.

Тут он произнес одно слово, и я был рад, что таксист его не слышит, а после Пэрли добавил:

– Ну помолчишь, а утром выйдешь под залог. Знаю, первый час, но лейтенант тебя ждет.

Гордый он человек, этот Пэрли, и я не сказал бы, что ему нечем гордиться. Он и в самом деле неплохой полицейский. Хотелось еще немного подразнить его, посмотреть, долго ли он будет соображать, как тут поступить, но было уже поздно, а мне тоже нужно было немного поспать.

– Ты же сам понимаешь, – начал я, – что это пустая трата времени и сил. Ты ему доложишь, о чем мы там говорили, а если он пожелает обсудить со мной что-то еще, я только начну морочить ему голову, он начнет заикаться. Совершенно бессмысленная затея.

– Да знаю, но...

– Но лейтенант меня ждет.

Он кивнул:

– Это Нора Джерет ему сказала, и он отправил меня. Инспектора не было на месте.

– Ладно. В интересах следствия. Даю ему час. Это понятно? Один час.

– Мне непонятно. – Он занервничал. – Когда мы приедем, ты будешь уже в его распоряжении, он будет тобой заниматься. Не знаю, выдержит ли он тебя час.

Глава 7

На следующий день, в четверг, в полдень Фриц стоял в кабинете перед столом Вулфа, консультируясь с ним по главному вопросу дня: не сменить ли нам поставщика водяного кресса. У нынешнего вот уже почти целую неделю водяной кресс был качеством ниже среднего, что на их языке означало «не доходил до совершенства». Я сидел за своим столом и зевал. После беседы с лейтенантом Роуклиффом я вернулся домой в третьем часу, а так как за последние двое суток я спал в общей сложности часов девять, то был не совсем в форме.

Весь прошедший час, начиная с одиннадцати, когда Вулф спустился после утренней встречи со орхидеями, ушел в основном на то, что я говорил, а Вулф слушал. Доклад о визите к Роуклиффу уложился в несколько предложений, так как единственное, что там заслуживало упоминания, – это то, что Роуклифф начал заикаться через восемь минут, но вот беседу с девушками Вулф потребовал изложить дословно, а кроме того, хотел знать о моих впечатлениях и выводах. Я сказал, что основной вывод у меня состоит в том, что, по-моему, единственный способ ее поймать, при наличии определенного везения, – это пустить по следу пару дюжин человек, которые знают свое дело, и они выяснят, где она добыла яд, и докажут ее связь с Пайлом.

– А иначе доказывать связь с Пайлом, – добавил я, – дело безнадежное. Наверняка. Если это была Хелен Яконо, в таком случае то, что она рассказала, нам не поможет. Если она рассказала правду, у нее не было причин его убивать, а если нет, то как вы это докажете? Если же не она, а другая девушка, то эта другая явно не идиотка, и, возможно, нет абсолютно ни единой нити, которая привела бы к ней. Соблюдать осторожность, приглашая посетительниц в свой пентхаус, хорошо, пока ты жив, и не очень хорошо, если кто-то из них накормит вас мышьяком. Эта осторожность может спасти ее шею.

Он смотрел на меня хмуро:

– По сути дела, ты говоришь, что тут нужно положиться на полицию. У меня нет пары дюжин человек. Я могу ее разоблачить, только если повезет.

– Именно. Или в приступе гениальности. Это по вашей части. Мои выводы к гениальности не относятся.

– Тогда какого черта ты собирался привезти их сюда среди ночи? Можешь не отвечать. Сам знаю. Чтобы поиздеваться.

– Никак нет, сэр. Я же сказал. Я зашел с ними в тупик. Я довел их до того, что они начали коситься друг на друга, но и только. Я говорил с ними, говорил и вдруг услышал, как приглашаю их поехать со мной сюда. Это, наверное, был предлог, будто я хочу, чтобы они обсудили все с вами, хотя, возможно, за ним лишь стояли определенные инстинкты, свойственные мужчине. Они все красивые девушки... все, кроме одной.

– Какой?

– Не знаю, сэр. Именно над этим мы и работаем.

Он, вероятно, продолжал бы меня терзать вопросами, если бы не Фриц, который пришел решать вопрос с водяным крессом. Пока они его обсуждали, рассматривая со всех точек зрения, я сел к ним спиной и зевал спокойно. В конце концов они решили дать поставщику еще неделю, а после, если качество не улучшится, сменить его, и тут я услышал, как Фриц говорит:

– Сэр, есть еще кое-что. Утром мне позвонил Феликс. Они с Золтаном хотели бы встретиться с вами во второй половине дня, а я хотел бы при этом присутствовать. Они просят в половине третьего, если вам удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.